D
521
Эрн

Владимиръ Эрнъ.

МЕЧЪ и КРЕСТЪ.

СТАТЬИ
О СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЯХЪ.

Москва.— 1915.

2к

Владимиръ Эрнъ.

МЕЧЪ и КРЕСТЪ.

СТАТЬИ

О СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЯХЪ.

Москва.— 1915.

2k - 2й экз

D
521

4044
99

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.— 1915.

Милымъ братьямъ
К., П., О., Ж. и С.,
съ свѣтлою душою
бьющимся за от-
чизну, какъ дань
восхищенія и любви,
посвящаю эту кни-
жечку.

МЕЧЪ и КРЕСТЪ.

(Вмѣсто предисловія).

Столкновеніе духа Германіи и духа Россіи мнѣ представляется внутреннею осью европейской войны. Всѣ другія силы группируются по периферіи. Гордая, матеріальная, внѣшняя идея германская сталкивается съ смиренною, духовною и внутреннею идеею русскою.

Словами Мечъ и Крестъ лучше всего характеризуется полярность этихъ двухъ всемірно-историческихъ силъ. Вильгельмъ не напрасно сказалъ: „Es wird das Schwert entscheiden". Это—послѣдняя инстанція, на которую можетъ ссылаться нѣмецкій народъ. Въ Мечѣ, говоря символически, сосредоточилась: вся сила, вся „доблесть", вся идейная и культурная мощь Германіи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, чтобы руки, которыя держатъ этотъ мечъ, были чистыми. Кровь стариковъ и женщинъ, убійство дѣтей, пепелъ и прахъ культурныхъ святынь не могутъ быть смыты даже смертью, даже „доблестною" смертью сыновъ Фатерланда. Откровенно можно сказать: намъ хотѣлось бы имѣть враговъ болѣе честныхъ, болѣе мужественныхъ въ выборѣ средствъ, менѣе охваченныхъ нервическимъ изступленіемъ.

Но такова ужъ природа меча. Святъ онъ въ рукахъ святыхъ, мерзокъ въ рукахъ разбойничьихъ. Своей же собственной, внутренней правды онъ не имѣетъ.

Когда разбойничій мечъ былъ вынутъ изъ ноженъ и занесенъ надъ маленькою Сербіей, русскій народъ поднялся противъ него съ крестомъ. Не армія только была мобилизована. Нѣтъ, взволнованная Россія воинство выслала изъ самыхъ глубинъ своего народнаго существа. Давно, давно уже, быть-можетъ, съ Куликовской битвы мы не знали такого единства духа и плоти Россіи, такого изумительнаго созвучія между ея глубочайшими вѣрованіями и ея внѣшнимъ историческимъ дѣйствіемъ. На новое дѣло, согласнымъ порывомъ, Россія поднялась какъ на подвигъ и жертву, смиренно принявъ велѣніе Промысла.

Оттого бездна раздѣляетъ Германію и Россію, и до полярности онѣ противоположны въ одномъ, съ виду общемъ, дѣлѣ войны. Для Германіи нѣтъ ничего выше меча, выше грубой физической силы,—самъ Богъ есть сила для нихъ, а не правда. И мечъ ихъ—высшая спиритуализація ихъ народнаго существа, высшій подъемъ ихъ матеріи и высшій предѣлъ одухотворенія ихъ грубой, тяжелой плоти. Для меча работалъ весь коллективный нѣмецкій мозгъ,—для меча билось и бьется всенѣмецкое сердце. Они напряглись въ войнѣ, и все у нихъ собралось и натянулось въ струнку, какъ у звѣря, который прыгаетъ на добычу.

Для Россіи же мечъ—служеніе, а надъ мечомъ какъ святыня—крестъ, и сила сильна не силой, а правдой и только правдой. Русское воинство, свѣтлое, безстрашное, есть прежде всего духовная сила, и сталь орудій и щетина штыковъ лишь внѣшняя, наружная оболочка этой силы, матеріализація духа народа, вызванная моментомъ и необходимостью, матеріализація, нисколько не противорѣчащая духу и въ то же время отнюдь его не исчерпывающая.

Повторяется старая, славная наша быль. Преподобный Сергій на битву съ врагами Россіи выслалъ двухъ схимниковъ-богатырей; самъ же, подвижникъ и величайшій свѣтильникъ духа, остался въ пустынѣ, ибо въ жизни духа битва или война есть всего лишь событіе, нѣкоторая экстеріоризація духовныхъ энергій, сущность же духа безмѣрно больше, обширнѣе, глубже.

Противъ брутальнаго германскаго меча (и не случайно ставшаго брутальнымъ) Россія сражается мечомъ, освященнымъ вѣрою въ высшую правду; правда для нея первѣе меча, и потому война пріобрѣтаетъ духовный смыслъ, и вся совокупность событій, сложная, огромная, выросшая изъ простого факта защиты Сербіи и все разрастающаяся, можетъ пониматься только какъ величайшее духовное бореніе, какъ тяжба всемірно-историческихъ началъ.

Это мнѣ и хочется подчеркнуть въ статьяхъ, собранныхъ въ этой книжечкѣ [1]). Я понимаю прекрасно несоизмѣримость темы и того, что предлагается мною. И все же думаю, что голосъ, даже слабый, но исходящій изъ глубины души, не можетъ быть лишнимъ при томъ огромномъ сдвигѣ понятій и представленій, который вызывается войной. Мы уже безконечно далеко отплыли отъ берега вчерашняго дня и намъ нужно стараться всѣми силами разгадать смыслъ и значеніе тѣхъ новыхъ условій и новыхъ возможностей, какія открываются передъ нами черезъ войну.

---

[1]) Статьи печатались въ Новомъ Звенѣ, Русской Мысли, Утрѣ Россіи и Биржевыхъ Вѣдомостяхъ, писаны съ сентября по январь.

ГОЛОСЪ СОБЫТІЙ.

I.

Мы вступили въ исключительное время — на грань двухъ эпохъ. На нашихъ глазахъ рушатся великія царства и возникаютъ новыя, безпредѣльныя міровыя возможности. Въ потокахъ крови, въ ужасахъ величайшаго напряженія столкнувшихся націй-колоссовъ занимается новый, быть-можетъ, послѣдній день всемірной исторіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что внезапный потокъ событій, ураганомъ сорвавшійся на Европу, съ катастрофической силой рушитъ не только старыя формы европейскаго быта, не только мѣняетъ до неузнаваемости внѣшній обликъ вѣчно-милой, любимой Земли. Нѣтъ! въ безпримѣрныхъ битвахъ, какихъ не знала еще исторія, рождается новое постиженіе міра, съ какихъ-то звѣздныхъ высотъ нисходятъ новыя духовныя задачи вселенской значительности, и горе тѣмъ націямъ, которыя въ этотъ часъ великаго испытанія окажутся неготовыми и духовно отставшими. Исторія, вступающая въ фазисъ головокружительной быстроты своего становленія, расшвыряетъ ихъ по самымъ послѣднимъ мѣстамъ и сдѣлаетъ ихъ „пушечнымъ мясомъ“ самыхъ грозныхъ, самыхъ рѣшительныхъ и, быть-можетъ, послѣднихъ своихъ манифестацій.

II.

По предвѣчному плану Создателя міра, съ внезапностью чуда, Россія вдругъ была брошена въ самую гущу грандіозныхъ событій и заняла отвѣтственнѣйшее, едва ли не первое мѣсто въ начавшемся катаклизмѣ европейской исторіи. Судьбы Россіи тѣсно сплелись съ судьбой всего міра, и судьбы міра таинственнымъ звеномъ сковались съ судьбой Россіи. Если раньше загадка Россіи волновала величайшихъ представителей русской мысли, если раньше Сфинксъ русскаго предназначенія въ мірѣ глухо тревожилъ всю Европу, то мы смѣло можемъ сказать, что не было эпохи ни въ русской, ни въ европейской исторіи, когда вопросъ о Россіи, объ ея загадочной сущности и о ея великихъ путяхъ, стоялъ бы съ большей остротой и съ большей жгучестью, чѣмъ теперь. Въ настоящій мигъ русскій народъ и въ своей внутренней рѣшимости и, въ своемъ внѣшнемъ геройскомъ обликѣ подобенъ великому Петру передъ полтавской битвой.

...Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ .
Онъ весь какъ Божія гроза.

Но въ грозѣ полярность. Гроза и разрушаетъ, и оплодотворяетъ, и губитъ, и живитъ. Гроза въ себѣ собранной русской силы „ужасна“ и „прекрасна“. Малѣйшій уклонъ въ глубинахъ нашей національной воли—и мы повернемся къ міру, къ исторіи ужасами,—не ужасами германизма, конечно, а ужасами все-

мірно-исторической неудачи. Если же тамъ, въ глубинѣ, въ „пещерѣ Матерей“ нашего народнаго существа, пребудемъ вѣрными Духу и Правдѣ, — міру будетъ явлена безмѣрная красота, быть-можетъ, та самая, которая, по вѣрѣ Мышкина-Достоевскаго, „спасетъ міръ“.

III.

Владимиръ Соловьевъ не такъ давно ставилъ радикальный вопросъ:

О Русь! Въ предвѣдѣньи высокомъ
Ты мыслью гордой занята.
Какимъ же хочешь быть Востокомъ?
Востокомъ Ксеркса иль Христа?

Этого вопроса мы повторить не можемъ. Мощь Россіи развернулась въ невиданной красотѣ самоотверженнаго и смиреннаго служенія на поляхъ небывалыхъ сраженій. „И Бога браней благодатью нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ“. Но духа Ксеркса нѣтъ въ народѣ нашемъ. Въ нервическомъ изступленіи разбушевавшееся море исторіи бичуетъ „народъ философовъ и гуманистовъ“. Духъ Ксеркса видимо и осязательно вселился въ „самую ученую націю въ мірѣ“.

Передъ Россіей стоятъ иные вопросы и иныя искушенія. Наступаетъ время, когда Россія должна сказать свое міровое слово. Доселѣ Россія жила, пусть огромнымъ и грандіознымъ, но все же своимъ обособленнымъ угломъ во всемірной исторіи. Теперь же она выступаетъ въ роли вершительницы судебъ Европы, и отъ ея мудрости, отъ ея вдохновенія и рѣшимости будетъ зависѣть вся дальнѣйшая исторія міра. Никогда Россія не попадала въ болѣе отвѣтственное

положеніе. Никогда не требовалось отъ нея большаго духовнаго напряженія и большей вѣрности своему идеальному существу. Проблема Европы ставится не передъ отдѣльными передовыми умами, не передъ враждующими группами образованныхъ русскихъ людей, а передъ самой націей русскою, передъ самимъ народомъ русскимъ, требуя отъ него не споровъ, не различныхъ теченій „литературныхъ мнѣній", а рѣшительнаго творческаго дѣла и творческаго самоопредѣленія. Проблема Европы во всей своей безмѣрной культурной, политической и религіозной сложности превращается въ практическій вопросъ русской политики.

IV.

Странно сказать, но мы присутствуемъ при какомъ-то неожиданномъ и внутренно-разумномъ перемѣщеніи. Наше теоретическое и интеллектуальное отношеніе къ проблемѣ Европы уже не предваряетъ событія и не подготовляетъ ихъ, а вызывается ими и вытекаетъ изъ нихъ. Разумный духъ исторіи какъ бы перевоплотился въ чистое дѣйствіе, и великими словами нашей эпохи стали не книги и сочиненія, а грандіозные факты и міровыя потрясенія. Вотъ почему, при необычайномъ подъемѣ національнаго чувства, при рѣдко возвышенной согласованности единаго дѣла, у насъ наблюдается нѣкоторая идейная растерянность: мысль не поспѣваетъ за потокомъ новыхъ коренныхъ измѣненій и не можетъ охватить огромнаго смысла стремительно несущихся событій.

Но какимъ бы высшимъ смысломъ ни были озарены великія свершенія настоящаго момента, очевидно, недостаточно слѣдить за ними однимъ взволнованнымъ

чувствомъ, недостаточно даже понимать ихъ пассивно „post factum“. При томъ напряженіи всѣхъ нашихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, котораго потребовала вдругъ исторія, съ категоричностью императива требуется и величайшее творческое напряженіе нашего народнаго разума. Великій свѣтъ этой божественной способности долженъ освѣтить не только то, что совершилось и свершается съ нами, но и то, что призваны свершать мы въ ближайшемъ и отдаленномъ будущемъ. Мы должны съ открытыми глазами нашимъ народнымъ разумомъ перерѣшить всѣ вопросы европейской культуры, произвести міровой синтезъ накопившихся противорѣчій,и этотъ синтезъ долженъ лечь въ основу чаемаго, вѣримъ, ослѣпительнаго расцвѣта русскаго дѣла. Вотъ когда „всечеловѣчность“ русской души, доселѣ лишь чувствуемая, но не осуществленная, должна воплотиться въ дѣйствительность исторически, соціально, въ огромныхъ міровыхъ масштабахъ. Величайшіе представители русской мысли всегда стояли на стражѣ свѣтлаго будущаго Россіи, но теперь, когда передъ нами пріотворяются двери этого будущаго,—съ особенной настойчивостью нужно говорить: caveant consules! и съ особенной силой призывать къ осмотрительности, зоркости и проницательности.

V.

И странно, именно теперь стали у насъ раздаваться зловѣщіе голоса. Любители вчерашняго дня исторіи, привыкшіе къ умственному обиходу преимущественно нѣмецкихъ точекъ зрѣнія, въ обиліи фабриковавшихся въ университетскихъ городахъ Германіи, несмотря на пожаръ взрывающихся событій не хотятъ сходить съ насиженныхъ мѣстъ и раскрывать

глаза на грозныя проблемы. Пока еще съ робостью они начинаютъ пытаться увѣрить всѣхъ, что, собственно говоря въ мірѣ ничего особеннаго и чрезвычайнаго не происходитъ, что битвы народовъ, побѣды и пораженія, энтузіазмъ и звѣрства — все это движется въ предѣлахъ „стараго“ и „привычнаго“ и что, какъ только Тройственное согласіе зальетъ пламя, охватившее Европу, и обезвредятъ разбушевавшуюся Германію,—все водворится на свои старыя мѣста. Словомъ, новую, творческую, всеславянскую и всемірную Россію, родившуюся на поляхъ сраженій, эти голоса пытаются „обойти съ тылу“ и, какъ бы въ тайномъ союзѣ съ повергающимся въ прахъ германизмомъ готовятся нанести ей тяжелый ударъ духовнымъ отступничествомъ.

Мнѣ кажется, намъ нужно ополчиться прежде всего противъ этой внутренней опасности. Наши войска истекаютъ жертвенною кровью не для того, чтобы сознаніе русскихъ людей оставалось во власти безразличія, невѣрія и безплоднаго скептицизма. Съ великими жертвами нами одерживаются труднѣйшія побѣды не для того, чтобы послѣ войны мы возвратились къ разбитому корыту россійской дряблости, безволія и готовности опять, какъ въ послѣднія десятилѣтія, итти на буксирѣ европейской исторіи.

Нѣтъ! Передъ Россіей открываются новые, безпредѣльные горизонты. И она должна, подавивъ въ себѣ старыя болѣзни и собравъ воедино свою національную волю, смиренно склониться передъ Промысломъ, вызывающимъ ее на великую историческую дѣятельность, и Ангелу-благовѣстителю всей силой и всѣмъ разумѣніемъ своимъ отвѣтить: „Се раба Господня, да будетъ мнѣ по слову Твоему!“

ВЕЛИКОЕ ВЪ МАЛОМЪ.

I.

Война рѣшительно перестраиваетъ русскую жизнь. Монументальныя линіи побѣдоносной борьбы съ тремя державами (Германіей, Австріей, Турціей), воззваніе Верховнаго главнокомандующаго къ Польшѣ, героическая отмѣна „водки"—эти громадные факты своимъ величіемъ, своей чудесностью, своею неожиданностью занимаютъ все наше вниманіе. Между тѣмъ, кромѣ этихъ катастрофическихъ сдвиговъ, война производитъ и другое болѣе скромное и невидимое дѣйствіе какого-то молекулярнаго перерожденія очень многихъ тканей великаго россійскаго организма. Кромѣ большихъ, всему міру видныхъ чудесъ, настоящая война порождаетъ множества малыхъ „чудесъ": самоотверженнаго служенія въ „тылу", отдачи послѣдняго имущества, неожиданныхъ сближеній между людьми и народностями и цѣлый рядъ удивительныхъ, маленькихъ по объему, но огромныхъ по своему духовному содержанію „фактовъ".

Объ одномъ такомъ фактѣ мнѣ и хочется сказать нѣсколько словъ.

II.

Въ небольшомъ городѣ сѣвернаго Кавказа мѣстная армянская колонія устроила лазаретъ. Вотъ какъ описываетъ, въ частномъ письмѣ одна изъ устроительницъ лазарета прибытіе раненыхъ:

„Наконецъ, все у насъ готово, и въ три часа, въ сопровожденіи нашего батюшки и сестеръ милосердія, пріѣхали наши дорогіе гости. Я говорю: дорогіе, потому что ихъ всѣхъ полюбила, какъ родныхъ сыновей. Ахъ, какіе усталые они были, измученные, съ похудѣвшими и потемнѣвшими лицами, неряшливо одѣтые, многіе вмѣсто бѣлья въ лохмотьяхъ, вотъ въ какомъ видѣ прибыли наши богатыри, раненые солдатики! Пока бы имъ всѣмъ устроили туалетъ, начиная съ бритья и купанья, всѣмъ 15-ти, прошло бы много времени, и мы рѣшили съ мѣста ихъ накормить обѣдомъ. Когда ихъ повели въ столовую, они такъ робко ступали, точно боялись что-нибудь разбить, окружающая чистота и комфортъ ихъ замѣтно смутили; но заботливость и ласка окружающихъ ихъ ободрили, и они стали съ большимъ аппетитомъ ѣсть... Послѣ обѣда ихъ стали брить и купать, а затѣмъ одѣли въ приготовленное бѣлье и халаты и пустили ихъ въ лазаретъ къ постелямъ, куда имъ подали чай. Они точно преобразились. Лица стали такія свѣтлыя, съ кроткимъ благодарнымъ взглядомъ...“

Эта ласка къ роднымъ героямъ стала у насъ обычной, до чуда обычной. Мы не удивляемся вовсе тому, что армянка, мать троихъ офицеровъ, сражающихся противъ австрійцевъ и нѣмцевъ,—раненыхъ русскихъ солдатиковъ сразу полюбила „какъ своихъ родныхъ сыновей“, — вотъ тѣхъ самыхъ, за которыхъ у нея разрывается сердце. Мы не удивляемся даже безпредѣльной кротости нашихъ солдатъ, которые гонятъ передъ собой страшныя орды баши-бузуковъ, которые безтрепетно ломятъ всю безумную технику германскихъ вооруженій, и которые робѣютъ отъ чистоты и комфорта скромныхъ лазаретовъ, принимающихъ ихъ на долгое и часто мучительное лѣченіе. Къ счастью

это все страшно обычно у насъ, и не объ этомъ я хочу говорить. Въ письмѣ устроительницы лазарета есть еще болѣе важныя и нѣсколько необычныя подробности.

III.

„Всѣ наши раненые,—продолжаетъ она,—православные. Въ мое дежурство пріѣзжалъ епископъ владикавказскій и моздокскій. Онъ привезъ въ нашъ городъ чудотворную икону Пресвятой Дѣвы Матери. Въ первый же день пріѣзда онъ посѣтилъ нашъ лазаретъ. Много, любовно бесѣдовалъ съ нашими ранеными. Онъ нѣсколько разъ благодарилъ армянскую колонію за отзывчивость и заботу о раненыхъ. Въ словахъ владыки было очень много искренности и довѣрія къ армянскому народу... На слѣдующій день раненые стали просить, чтобы мы попросили у епископа разрѣшить привезти въ лазаретъ чудотворную икону Богоматери. Это быстро устроилось, и нашъ батюшка въ полномъ облаченіи и съ крестомъ встрѣтилъ русское духовенство и чудотворную икону. Послѣ молебна русскій священникъ окропилъ св. водой раненыхъ, а половину предоставилъ нашему священнику.

„Отрадно было видѣть, какъ православный священникъ и нашъ братски перецѣловались. Русскій пастырь сказалъ раненымъ: „Вы знаете, что армяне самые близкіе по вѣрѣ къ намъ, русскимъ; вы видѣли, съ какою самоотверженностью они на передовыхъ позиціяхъ проливаютъ кровь вмѣстѣ съ вами; а теперь вы видите, какъ братски и любовно они относятся къ вамъ. Такъ знайте, что они самые вѣрные наши братья“. Какъ-то радостно было на душѣ отъ сознанія, что всѣ народности въ Россіи слились въ одномъ чувствѣ

любви и преданности къ нашей великой и прекрасной родинѣ, и нѣтъ больше розни, мелкой вражды...“

Въ этой картинѣ уже не все обычно. Не всѣ наши пастыри дѣйствуютъ съ такой тактичностью, съ такой изумительной вѣрностью живому духу православія, какъ епископъ владикавказскій и неизвѣстный русскій священникъ. Замѣтьте: между православною и армянскою церковью есть нѣсколько пунктовъ расхожденія. Догматически и канонически кое-что раздѣляетъ насъ съ ними. И все же священники этихъ двухъ разныхъ исповѣданій встрѣчаются другъ съ другомъ въ полномъ облаченіи, т.-е. церковно, у чудотворной святыни, лобызаются всенародно другъ съ другомъ, при чемъ русскій священникъ, окропивъ святою водою половину раненыхъ, другую половину отдаетъ окропить своему собрату по предстоянію передъ Богомъ — священнику армянскому. Тутъ уже видна молекулярная работа войны, и ея благотворное подымающее дѣйствіе на тѣхъ, кто отъ нея находится за тысячи верстъ.

IV.

И какъ хорошо простые люди разрѣшаютъ труднѣйшія задачи! Начни мудрствовать этотъ прекрасный батюшка, совершившій столь мудрый поступокъ, загляни онъ въ учебникъ казеннаго семинарскаго богословія, посовѣтуйся онъ съ какимъ-нибудь „благочиннымъ“, — навѣрное, буква различныхъ „огражденій“ убила бы свѣтлый духъ его православнаго порыва, и встрѣча его съ армянскимъ священникомъ никогда бы не вышла столь назидательной—въ „любви и свободѣ“. Съ другой стороны, если бы армянскій священникъ прежде, чѣмъ выйти навстрѣчу право-

славной святынѣ и русскому священнику, сталъ совѣтоваться съ какими-нибудь ревнителями армянской замкнутости, національной и церковной, его бы навѣрно отговорили подъ тѣмъ простымъ предлогомъ, что его присутствіе въ лазаретѣ въ этотъ моментъ вовсе не было необходимымъ. Но простые люди своими простыми душами вняли лишь духу и безъ всякаго затрудненія перешагнули черезъ букву,—для свершенія великаго акта взаимной любви и взаимопризнанія. Русскій батюшка, забывъ объ „учебникахъ“, вспомнилъ столѣтія мученическаго пребыванія армянскаго народа въ христіанской вѣрѣ посреди бушующаго моря мусульманства,—а армянскій священникъ видѣлъ на примѣрѣ тѣхъ самыхъ солдатиковъ, что лежали въ лазаретѣ, какъ льется русская, православная кровь для освобожденія христіанской Арменіи, и оба они съ каѳолическимъ, вселенскимъ чувствомъ подъ сѣнью чудотворнаго Лика облобызались. Хорошо!..

V.

Когда русскія войска заняли Галичину, стали распространяться слухи, что въ завоеванныхъ областяхъ уніатовъ насильственно или полунасильственно присоединяютъ къ православію. Къ счастью, большая часть слуховъ оказалась вздорной. Но все же какая-то „присоединительная“ тенденція у нѣкоторыхъ нашихъ іерарховъ, къ великому прискорбію, проявилась. И вотъ тутъ-то оказывается, что евангельскія слова о „послѣднихъ“ и „первыхъ“ находятъ вѣчное подтвержденіе въ жизни. Нѣкоторые изъ „первыхъ“ іерарховъ, стоящихъ на высотѣ власти и почета, забыли духъ православія, и по методамъ дурныхъ орденовъ като-

личества захотѣли насильственно вгонять въ нашу церковь уніатовъ. А вотъ, батюшка въ маленькомъ городишкѣ — одинъ изъ „послѣднихъ“ по своей неизвѣстности и скрытости — безъ всякаго усилія раскрываетъ широту и свободу православія, и изъ незначительной встрѣчи со священникомъ иного исповѣданія творитъ чрезвычайно значительное торжество духа.

Съ виду гораздо важнѣе, что дѣлаютъ „первые“: имъ посвящаютъ статьи въ газетахъ, они волнуютъ и раздѣляютъ общество. Но въ порядкѣ онтологическомъ, въ порядкѣ подлинной силы и правды, коими держится церковь, какъ божественный фактъ среди человѣческой немощи, безконечно важнѣе, что дѣлаютъ отъ всего сердца и отъ всей души скрытые отъ нащихъ глазъ „послѣдніе“.

ОТЪ КАНТА КЪ КРУППУ [1]).

I.

Отъ Канта къ Круппу... Почему Канта? Почему къ Круппу? Я начинаю съ Канта, какъ съ величайшей вѣхи въ манифестаціи германскаго духа. У Канта есть предки; главные: Эккартъ, Лютеръ, Бёме. Но у меня нѣтъ времени говорить, какъ одинъ изъ нихъ порождалъ другого. Я только скажу, что не этотъ пунктъ возбуждаетъ споры. Недавно всѣ были согласны въ томъ, что великая германская культура едина и непрерывна. Мы слышали много убѣжденныхъ рѣчей, утверждавшихъ, что самыя послѣднія школы нѣмецкой философіи исполнены міровыхъ, а не только германскихъ традицій. Больше того, мы всѣ знали, что философъ абстрактной идеи, Гегель, воскурилъ ѳиміамъ діалектическаго признанія передъ прусскою государственностью, а его блестящій ученикъ Куно Фишеръ низко и многократно склонялъ свою сѣдую голову передъ дѣломъ Бисмарка. И знавшіе это не удивлялись.

Но вотъ налетаетъ война. Подъ мягкой шкуркой нѣмецкой культуры вдругъ обнаружились хищные кро-

---

[1]) Рѣчь, произнесенная на публичномъ засѣданіи религіозно-философскаго общества памяти Вл. Соловьева, 6 октября 1914 г.

вожадные когти. И ликъ „народа философовъ“ исказился звѣриной жестокостью. Малинъ и Лувенъ, Калишъ и Реймсъ вызвали бурю негодованія, и всѣ разомъ, дружно, рѣшили, что нѣмецкая культура—одно, а звѣрства—другое, что Кантъ и Фихте столько же повинны въ милитаристическихъ затѣяхъ прусскаго юнкерства, сколько Шекспиръ и Толстой, и потому: да здравствуютъ Кантъ и Гегель, и да погибнутъ тевтонскіе звѣри!

Моя рѣчь — самый страстный протестъ противъ этого упрощеннаго пониманія всемірной исторіи. Я сразу скажу свои тезисы и затѣмъ перейду къ доказательствамъ. Я убѣжденъ, во-первыхъ, что бурное возстаніе германизма предрѣшено Аналитикой Канта; я убѣжденъ, во-вторыхъ, что орудія Круппа полны глубочайшей философичности; я убѣжденъ, въ-третьихъ, что внутренняя транскрипція германскаго духа въ философіи Канта закономѣрно и фатально сходится съ внѣшней транскрипціей того же самаго германскаго духа въ орудіяхъ Круппа. Само собой разумѣется, въ краткой рѣчи я долженъ ограничиться самыми общими характеристиками и остановиться на пунктахъ лишь самой существенной важности.

Остріе Кантовой мысли, нашедшей свое крайнее и безстрашное выраженіе въ первомъ изданіи „Критики чистаго разума“, сводится къ двумъ принципамъ: къ абсолютной феноменалистичности всего внѣшняго опыта и къ абсолютной феноменалистичности всего опыта внутренняго; изъ этихъ двухъ принциповъ, установленныхъ въ трансцендентальной Эстетикѣ и трансцендентальной Аналитикѣ, сами собой вытекаютъ два радикальнѣйшихъ положенія: 1) никакой ноуменъ, т.-е. ничто онтологическое, не можетъ встрѣтиться въ нашемъ внѣшнемъ опытѣ, и 2) ничто

ноуменальное, т.-е. относящееся къ міру истинно Сущаго, не можетъ быть дано и реализовано въ нашемъ внутреннемъ опытѣ. А такъ какъ, кромѣ внѣшняго и внутренняго опыта, нѣтъ никакихъ иныхъ путей познанія, то „Критика чистаго разума“ оказалась всемірно историческимъ глашатаемъ чистѣйшей формы абсолютнаго имманентизма. Конечно, въ Кантѣ жили остатки платоническаго трансцендентизма, и эти остатки: идея умопостигаемой свободы и понятіе „вещи въ себѣ“. Но эти платоническія реминисценціи Канта абсолютно не вяжутся съ его основными принципами. Что понятіе вещи въ себѣ некритично и произвольно, это было блестяще раскрыто Фихте; что идея умопостигаемой свободы есть совершенный non-sense съ точки зрѣнія абсолютной феноменалистичности внутренняго опыта, это должно быть ясно для всякаго, кому не лѣнь только подумать. Внутренній опытъ, сплошь и безызъятно подчиненный феноменологической формѣ времени объ одномъ измѣреніи, конечно, никакъ не можетъ вмѣстить въ себя ноумена свободы[1]).

Основные принципы кантовскаго феноменализма были несокрушимой осью всего дальнѣйшаго движенія нѣмецкой мысли: Фихте окончательно разонтологизировалъ Природу, Гегель съ безудержностью понялъ все бытіе какъ абсолютный процессъ. Наконецъ, полувѣковая коллективная работа новѣйшаго кантіанства дружно установила универсально-имманентистскіе тезисы. Напротивъ, платоническія реминисценціи, столь характерныя для личности Канта и столь противорѣчащія основамъ его философіи, имѣютъ въ

[1]) Подробнѣе я говорю объ этомъ въ работѣ: Природа мысли Богосл. Вѣстн. 1913 г. Ср. также: Критика Кантовскаго понятія истины. Сборникъ въ честь Л. М. Лопатина. М. 1911.

дальнѣйшемъ движеніи нѣмецкой мысли смыслъ придаточныхъ предложеній. Въ нѣмецкомъ идеализмѣ много платонизированія, особенно въ зрѣломъ Шеллингѣ, котораго уже никто не хотѣлъ слушать, но это платонизированіе не имѣетъ онтологическихъ корней въ исходныхъ и основныхъ линіяхъ нѣмецкой мысли и потому всегда поражено безземною, безосновною немощью люциферіанскаго романтизма. Феноменализмъ Канта для нѣмецкой мысли есть прочное и „научное“ достояніе, несокрушимое, желѣзо-бетонное завоеваніе германскаго духа. Платоническія же реминисценціи—мечтательные остатки старо-нѣмецкаго благодушія.

Транскрипція верховныхъ достиженій „Критики чистаго разума“ въ планѣ историческаго самоопредѣленія нѣмецкаго народа сама собою намѣчалась съ фатальною необходимостью. Нужно помнить, что въ атмосферѣ протестантизма съ его безусловнымъ приматомъ „разумности“ кантовская фиксація силъ и способностей разума была событіемъ чрезвычайной, церковной важности. Одинъ нѣмецкій историкъ совершенно правильно констатируетъ: „Критика чистаго разума имѣла для насъ нѣмцевъ почти такое же значеніе, какое для французовъ революція 1789 года“. Высшимъ и самымъ геніальнымъ представителемъ разума цѣлой расы съ категоричностью установлена была нѣкая первичная истина о самыхъ первичныхъ до-опытныхъ и до-дѣйственныхъ формахъ разумнаго сознанія. Все историческое и традиціонное, все инстинктивное и природное, все вдохновенное и благодатное тѣмъ самымъ принципіально отмѣнялось въ своемъ абсолютномъ значеніи и ставилось подъ контроль и тяжелую руку феноменалистическаго первопринципа. О, Кантъ не даромъ чувствовалъ законодательственный характеръ своего разума! Хо-

тѣлъ онъ предписывать законы Природѣ, поистинѣ же сталъ Ликургомъ выступающаго на всемірную сцену германскаго духа.

Феноменалистическій первопринципъ Канта въ историческомъ самоопредѣленіи нѣмецкаго народа неизбѣжно долженъ былъ сгуститься въ весьма опредѣленныя и конкретныя вещи. Если внутренній и внѣшній опытъ дѣйствительно лишенъ всяческаго контакта съ ноуменомъ, т.-е. съ міромъ истинно Сущаго, тогда ноумену нѣтъ никакого мѣста ни въ теоретическомъ представленіи человѣка о совокупности міровой жизни, ни въ практической дѣятельности, взятой во всѣхъ ея проявленіяхъ. Крикъ Ницше: «der alte Gott ist todt», есть явный анахронизмъ. Старый Богъ умеръ, гильотинированъ былъ, въ лабиринтѣ Трансцендентальной Аналитики. Палачомъ стараго и живого Бога былъ Кантъ, и съ тѣхъ поръ сложное и титаническое явленіе нѣмецкой культуры было лишь всегерманскимъ пріобщеніемъ къ потрясающей тайнѣ богоубійства, свершившагося въ неизслѣдимыхъ глубинахъ нѣмецкаго духа. Джоберти, съ поразительной для своего времени мѣткостью, называетъ Канта чистѣйшимъ психологистомъ, mero psicologista [1]); это значитъ: контактъ разума съ Сущимъ, т.-е. съ Богомъ, былъ „законодательно“ перерѣзанъ именно Кантомъ.

Въ планѣ исторіи теоретическое богоубійство, какъ апріорный и общеобязательный для всякаго „нѣмецкаго“ сознанія принципъ, неизбѣжно приводитъ къ посюстороннему царству силы и власти, къ великой мечтѣ о земномъ владычествѣ и о захватѣ всѣхъ царствъ земныхъ и всѣхъ богатствъ земныхъ въ нѣ-

[1]) Ср. мою статью: Критика новой философіи у Джоберти. Вопр. фил. и пс. 1914 г.

мецкія руки. Если весь внѣшній опытъ абсолютно феноменалистиченъ, тогда на аренѣ исторіи ничего не значитъ святыня, ничего не значитъ подлинная онтологическая Справедливость, ничего не значитъ Божественный Промыселъ. Первымъ великимъ всходомъ кантовскаго посѣва былъ величественный расцвѣтъ феноменалистическихъ наукъ въ Германіи. Эти науки интересовались рѣшительно всѣмъ, кромѣ Истины [1]), и безсознательно превратились въ систематическую, методологическую и грандіозную развѣдку всѣхъ міровыхъ и духовныхъ условій для грядущаго торжества германскаго духа. Съ другой стороны, если феноменалистиченъ и внутренній опытъ, тогда всѣ императивы и максимы морали неизбѣжно превращаются въ количественный принципъ гимнастическаго увеличенія „силы воли". Онтологическое и безусловное качество вóленія отбрасывается какъ überwundener Standpunkt.

Категорическій императивъ Канта, по своей абсолютной формальности не могъ оказать никакого сопротивленія. Онъ говорилъ эмфатически, съ величайшей силой: „Ты долженъ", но что̀ именно долженъ онъ этого никакъ не могъ выговорить. Раскаты кантовскаго „Du sollst" гремѣли въ воздухѣ и... никого не убивали. Нѣмцы такъ свыклись съ этимъ безобиднымъ атмосферическимъ явленіемъ, что иные изъ нихъ пытались использовать его съ практическими цѣлями. Извѣстный послѣдователь Канта, возвышенный Виндельбандъ, на выборахъ говорилъ: „Категорическій императивъ заставляетъ меня голосовать за національ-либераловъ". Se non è vero, è ben trovato! Во всякомъ случаѣ линія отъ пустого категоризма Канта къ энер-

[1]) См. объ этомъ мою статью: Природа научной мысли, Бог. Вѣстн. 1913 г.

гетизму промышленно-научно-философскаго напряженія германской націи очевидна. Германскій народъ въ своемъ цѣломъ понялъ себя какъ феноменъ, пусть грандіозный, но все же только феноменъ, и сталъ планомѣрно осознавать себя въ біологическихъ категоріяхъ.

Но отъ біологіи одинъ шагъ къ зоологическимъ слѣдствіямъ. Убіеніе Сущаго въ волѣ, совершонное Кантомъ, постулировало крайнее развитіе волевой мускулатуры, а убіеніе Сущаго въ разумѣ, совершонное имъ же, раскидывало прельстительную арену для проявленія этой мускулатуры: для германскаго сознанія со всего міра были сняты онтологическіе запреты и высшія предназначенія, и географическая карта Земли предстала германскому воображенію огромнымъ и сладкимъ „меню“ невиданнаго и неслыханнаго въ исторіи мірового пиршества. Но для этого нужно было мускулатуру воли и внутреннихъ напряженій одѣть несокрушимой броней милитаризма [1]). Возстаніе германизма, какъ военный захватъ всего міра, какъ насильственная мірова гегемонія manu militari коренится, такимъ образомъ, въ глубинахъ феноменалистическаго принципа, установленнаго въ первомъ изданіи „Критики чистаго разума“. Этимъ самымъ оправдывается мое первое убѣжденіе о закономѣрной и фатальной зависимости

---

1) Т. Циглеръ въ своей „Исторіи умственныхъ и общественныхъ теченій XIX вѣка“ опредѣленно проговаривается о роли Бисмарка въ нѣмецкомъ самосознаніи: „Въ нашей національной жизни и въ нашемъ чувствованіи, Бисмаркъ, этотъ гигантъ по силѣ воли и дѣятельной энергіи, является рѣшающимъ узломъ, вліяніе котораго мы ощущаемъ въ самыхъ нѣдрахъ философскаго творчества“. (Спб. 1901, стр. 10)—и явленіе котораго, добавимъ отъ себя, было подготовлено въ тѣхъ же философскихъ нѣдрахъ нѣмецкаго народа.

перехода нѣмецкой націи въ модальность всемірно-милитарныхъ манифестацій отъ феноменалистической философіи кенигсбергскаго Ликурга.

II.

Теперь мнѣ предстоитъ раскрыть второе мое убѣжденіе: о глубочайшей философичности орудій Круппа. Да не подумаетъ кто-нибудь, что я хочу иронизировать. Я отношусь къ этому тезису съ величайшей серьезностью. Уже изъ сказаннаго раньше намѣчается глубокая связь орудій Круппа съ нѣмецкою философіей. Если нѣмецкій милитаризмъ есть натуральное дѣтище Кантова феноменализма, коллективно осуществляемаго въ планѣ исторіи цѣлою расою, то орудія Круппа—суть самое вдохновенное, самое національное и самое кровное дѣтище нѣмецкаго милитаризма. Генеалогически орудія Круппа являются такимъ образомъ дѣтищемъ дѣтища, т.-е. внуками философіи Канта. Но это заключеніе силлогистично. Матеріально оно не наглядно, и чтобы сдѣлать его наглядным, я подойду къ вопросу съ другой стороны.

Кто изучалъ исторію стилей, того должно было всегда поражать глубокое и строгое соотвѣтствіе между стилемъ данной эпохи и ея скрытой душой. Насколько мы знаемъ исторію, вездѣ мы констатируемъ неистребимую потребность человѣчества безсознательно, почти „вегетативно“, запечатлѣвать свою скрытую духовную жизнь въ различныхъ матеріальныхъ образованіяхъ. Однимъ изъ чистѣйшихъ образцовъ самаго подлиннаго запечатлѣнія духа въ матеріи является средневѣковая готика. Въ Реймсскомъ соборѣ или въ Notre Dame de Paris мы имѣемъ каменную тран-

скрипцію несказаннаго т о н о с а стараго французскаго католичества. По башенкамъ, статуямъ, химерамъ, сводамъ, колоннамъ и ковровымъ vitraux готическихъ святынь мы можемъ, вслѣдъ за Гюисмансомъ, проникать въ самые глубокіе тайники средневѣковой религіи. И вовсе не нужно, чтобы эти матеріальныя облаченія духа извѣстной эпохи или извѣстнаго народа были непремѣнно феноменомъ эстетическимъ, или, попросту говоря, были „прекрасны". Иногда и самое крайнее, отпечатлѣвшееся въ матеріи „безобразіе" бываетъ точнѣйшимъ и нагляднѣйшимъ выявленіемъ скрытыхъ духовныхъ реальностей. Не въ красотѣ дѣло, а въ чемъ-то другомъ. Тутъ важно установить живой мостъ между „внѣшнимъ" и „внутреннимъ", нащупать живую ткань, по которой происходитъ кристаллизація внутреннихъ энергій во внѣшнія матеріальныя формы.

Орудія Круппа съ этой точки зрѣнія являются безмѣрно характерными и показательными. Если бы даже мы не установили связи Кантова феноменализма съ нѣмецкимъ милитаризмомъ, то, смѣю думать, мы могли бы продѣлать обратный путь: отъ милитаризма къ феноменализму. Для очень внимательнаго и пристальнаго глаза анализъ крупповскихъ пушекъ, безъ всякихъ мистическихъ прозрѣній, долженъ былъ бы съ несомнѣнностью показать, какое основное, глубинное жизнечувствіе, могущее легко быть выраженнымъ въ терминахъ философскихъ, характеризуетъ народъ, эти орудія создавшій. Замѣтьте: орудія Круппа суть безусловная вершина германской промышленной техники. Если разсматривать ихъ „матерію", то ея строеніе окажется безпредѣльно тонкимъ, замысловатымъ и— если можно такъ выразиться—сгущенно-интеллектуальнымъ. Нужно было крайнее, безпримѣрное развитіе физики, механики, математики и строительной техники

для того, чтобы создать эти гигантскіе истребители. Нужна была солидарная совмѣстная работа поколѣній ученыхъ, промышленниковъ и государственныхъ дѣятелей для того, чтобы ихъ осуществить. Мало того, нуженъ былъ еще нѣкій тайный національный consensus, нѣкое глубинное, расовое самоопредѣленіе воли. Вѣдь техника Германіи, по своей глубочайшей научности и теоретической обоснованности, по отзывамъ знатоковъ, занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ. Конечно, для завоеванія этого первенства недостаточно было усилій отдѣльныхъ частныхъ лицъ, нужно было какое-то мощное коллективное произволеніе. Въ крупнѣйшихъ оурдіяхъ Круппа первенствующая въ техникѣ Германія доходитъ до нѣкаго человѣческаго предѣла. Странно сказать, эти орудія почти неперевозимы, почти что выходятъ за границы практической годности, почти что невозможны въ смыслѣ неосуществимой разорительности. Если отвлечься отъ всякой оцѣнки этихъ чудовищъ и сосредоточиться лишь на колоссальныхъ суммахъ человѣческой энергіи, въ нихъ вложенной, то мы должны прійти къ парадоксальному выводу: по количеству затраченныхъ силъ, по солидарности коллективнаго творчества орудія Круппа безусловно превосходятъ такое безпримѣрное, казалось бы, проявленіе коллективнаго, многовѣкового созиданія, какъ средневѣковая готика.

Но еще болѣе показательнымъ является качество энергіи, реализованной въ орудіяхъ Круппа. Заложенная въ нихъ сущность, ихъ энтелехія и душа, необычайно краснорѣчива по своему совершенно обнаженному смыслу. Прежде всего, она необыкновенно увѣрена въ себѣ, самонадѣянна и горда. Она блеститъ и лоснится не только внѣшней шлифовкой и чистотою работы, но и вся преисполнена безспорностью матема-

тическихъ вычисленій, аподиктичностью строгаго расчета и необходимостью непреодолимыхъ разрушительныхъ дѣйствій. Вотъ почему нѣмцы столь слѣпо и столь фатально увѣрились въ своихъ еще неосуществившихся побѣдахъ. Орудія Круппа были для нихъ всенѣмецкими, національными a priori всего военно-политическаго „опыта“, долженствовавшаго развернуться передъ ними. Владѣя секретомъ этихъ орудій, нѣмцы какъ бы „антеципировали“ основныя линіи надвигавшихся событій и увѣрились въ томъ, что въ ихъ рукахъ—самый глубинный принципъ того кантовскаго „законодательства“, коимъ съ неизбѣжностью весь сырой матеріалъ грядущихъ потрясеній долженъ былъ быть оформленъ категоріями и „схемами“ основныхъ вожделѣній пангерманизма. Они даже стратегію подчинили орудіямъ Круппа!

И это могло случиться только потому, что энтелехійная сущность орудій Круппа совпала съ глубочайшимъ самоопредѣленіемъ нѣмецкаго духа въ философіи Канта. Ибо, кромѣ гордой самодѣянности, энтелехія орудій Круппа, какъ своей основной чертой, характеризуется самопогруженностью, самозамкнутостью, абсолютной практической самозаконностью. Орудія Круппа суть чистѣйшій видъ научно и технически организованнаго „бытія для себя“. Глубинное самоопредѣленіе нѣмецкой націи находитъ въ нихъ свое крайнее и наиболѣе грозное выраженіе. Феноменалистическій принципъ „аккумулируется“ въ орудіяхъ Круппа въ наиболѣе страшныя свои сгущенія и становится какъ бы приборомъ, осуществляющимъ законодательство чистаго разума въ большихъ масштабахъ всемірной гегемоніи. Разрушительность гигантскихъ снарядовъ Круппа, ихъ дикая насильственность логически вытекаетъ изъ ихъ феноменалистической сущности. Международ-

ное право, вѣрность данному слову, святыни религіи, человѣческая честь,—все это абсолютно „превзойденныя точки зрѣнія“. Феноменализмъ для своего распространенія не нуждается въ добромъ согласіи или въ убѣжденіи народовъ, подлежащихъ процессу нѣмецкой феноменализаціи. Орудія Круппа—слишкомъ живое, не требующее никакихъ оправданій явленіе превозмогающей силы и правды феноменалистическаго принципа, взятаго an und für sich. Поэтому въ Сіонѣ нѣмецкаго феноменализма, гдѣ святое святыхъ есть „Критика чистаго разума“, орудія Круппа занимаютъ почетное и логически необходимое мѣсто. Кантъ въ самыхъ характерныхъ и оригинальныхъ моментахъ своей философіи діалектически постулируетъ Круппа, Круппъ въ самыхъ геніальныхъ созданіяхъ своихъ даетъ матеріальное выраженіе феноменалистическимъ основоначаламъ Кантовой философіи. Такимъ образомъ оправдывается и мое второе убѣжденіе о глубочайшей философичности орудій Круппа.

III.

Какой же выводъ вытекаетъ изъ двухъ установленныхъ тезисовъ? Выводъ огромный, составляющій какъ бы ключъ къ духовному смыслу разразившагося европейскаго катаклизма. Изъ установленныхъ тезисовъ мы должны вывести прежде всего, что переживаемая нами война, безпримѣрная по своимъ размѣрамъ и по своему ожесточенію, есть въ своей глубочайшей духовной сути столкновеніе всемірно-историческихъ началъ. Нѣмецкій народъ въ этомъ столкновеніи, такъ же, какъ и народъ русскій, а можетъ-быть, и всѣ союзныя намъ націи, мобилизовалъ рѣшительно всю наличность своего духовнаго и матеріальнаго бытія.

За блиндированною стѣною, которая вдругъ укрыла отъ всего міра германскій народъ, мы должны безъ всякаго малодушія чувствовать великій рядъ величайшихъ именъ, созидавшихъ въ продолженіе столѣтій „культуру", абстрактное поклоненіе передъ которой у насъ распространено до сихъ поръ. Отъ Эккарта къ Канту шелъ великій процессъ внутренняго осознанія германской идеи. Отъ Канта началась сложнѣйшая реализація осознанной идеи въ планѣ историческаго бытія. И весь этотъ процессъ есть нѣчто единое и непрерывное, приводящее вплотную съ логической необходимостью, къ Круппамъ и Цеппелинамъ. Сами нѣмцы прекрасно чувствуютъ эту „круговую поруку" въ манифестаціяхъ своего духа. Подъ заявленіемъ о безусловномъ тождествѣ германской культуры съ германскимъ милитаризмомъ подписывается цвѣтъ нѣмецкой науки и нѣмецкой философіи. Такія громкія и почтенныя имена, какъ Гарнакъ, Брентано, Шмоллеръ, Э. Мейеръ съ одной стороны, а съ другой — Вундтъ и Оствальдъ, сами собой подписываются подъ тѣмъ констатированіемъ существенной однородности и единаго замысла германской культуры, которое я пытался сдѣлать въ настоящей рѣчи. То, что сами нѣмцы усердствуютъ въ подтвержденіи моего истолкованія духовныхъ корней современной войны, является послѣдней, неожиданно экспериментальной провѣркой справедливости основныхъ моихъ тезисовъ.

Теперь, въ заключеніе, позвольте сказать мнѣ нѣсколько словъ объ о ц ѣ н к ѣ того, что до сихъ поръ я описывалъ, какъ безпристрастный историкъ. Картина бурнаго вакхическаго возстанія германизма во исполненіе глубинной національной мечты представляется мнѣ не только величественной и потрясающей, но и глубоко трагической, и полной вселенскаго смысла. Въ

зрѣлищѣ современной Германіи, надъ коей невидимая десница уже начертала *мене, текел, фарес*, мы видимъ, по мѣткому уподобленію Вяч. Иванова, всѣ элементы античной трагедіи. Греки съ непревзойденной глубиной чувствовали, что въ основѣ трагической гибели лежитъ нѣкая скрытая, часто невѣдомая вина, и одной изъ любимыхъ завязокъ трагедіи, естественныхъ и почти осязательно ясныхъ, была для грековъ ὕβρις, по-русски—надменность, спесь, направленная не противъ людей, а противъ боговъ. Ὕβρις и составляетъ корень германской трагедіи. Метафизическая спесь, впервые явленная Эккартомъ, проникаетъ наиболѣе оригинальные отдѣлы „Критики чистаго разума". Въ Гегелѣ она раскидывается геніальнымъ пожаромъ. Въ истекающемъ кровью Ницше переходитъ въ трагическое безуміе. И это безуміе, какъ я четыре года тому назадъ доказывалъ,—закономѣрно, фатально [1]). За ὕβρις неизбѣжно слѣдуетъ ἄτη, т.-е. помраченіе разума, трагическое затменіе свѣтлыхъ силъ разумѣнія. Этому соотвѣтствуетъ въ германскомъ народѣ переходъ ко всестороннему феноменалистическому самоопредѣленію. Германское безуміе проходитъ формы научныя, методологическія, философскія и, наконецъ, срывается въ милитаристическомъ буйствѣ. Величайшіе счетчики міра вдругъ просчитались по всѣмъ счетамъ и, сдѣлавъ рядъ „сумасшедшихъ" дипломатическихъ и стратегическихъ промаховъ, ринулись прямо подъ мечъ карающей Немезиды. Медленно или быстро опустится этотъ мечъ, мы не беремся сказать. Во всякомъ случаѣ онъ уже занесенъ, и приходъ Керы, т.-е. окончательной гибели, составляющей третій и послѣдній моментъ трагедіи, вѣримъ, не такъ ужъ далекъ.

---

[1]) Борьба за Логосъ. М., 1911 г., стр. 341—345.

И это величавое трагическое зрѣлище, въ которомъ участвуетъ in corpore чуть ли не стомилліонный народъ, имѣющій за спиной своей вѣка напряженной и интенсивной культуры, полно глубочайшаго вселенскаго смысла. Путь германскаго народа, приводящій къ неминуемой катастрофѣ, есть достояніе и внутренній опытъ всего человѣчества. Люциферіанскія энергіи съ крайнимъ напряженіемъ, особенно въ послѣднемъ столѣтіи, сгрудились въ нѣмецкомъ народѣ—и вотъ, когда теперь нарывъ прорывается, все человѣчество въ согласномъ порывѣ ощущаетъ всемірно-историческій катарсисъ.

Будемъ же дружно молить великаго Бога браней, нынѣ взявшаго въ крѣпкія руки Свои будущее всего міра и будущее народа нашего, о двухъ вещахъ:

О томъ, чтобы славныя войска наши своею духовною мощью и великимъ покровомъ Пречистой опрокинули и погнали передъ собою бронированныя нѣмѣцкія рати.

О томъ, чтобы катарсисъ европейской трагедіи былъ пережитъ нами во всей глубинѣ, и чтобы мы навсегда преодолѣли не только периферію звѣрскихъ проявленій германской культуры, но и стали бы свободны отъ самыхъ глубинныхъ ея принциповъ, теперь разоблачающихся для тѣхъ, кто имѣетъ очи видѣть и уши слышать.

СУЩНОСТЬ НѢМЕЦКАГО ФЕНОМЕНАЛИЗМА[1]).

Моя рѣчь „Отъ Канта къ Круппу“ была посвящена вопросу о непрерывности въ развитіи нѣмецкой культуры. Она вызвала много недоумѣній [2]).

Я не скажу, чтобы всѣ недоумѣнія были одинаково обоснованы. Во всякомъ случаѣ нѣкоторая часть ихъ мнѣ представляется относительно справедливой. Въ краткой рѣчи сколько-нибудь исчерпать столь огромную тему, какъ связь философіи Канта съ современнымъ германствомъ—конечно невозможно. Моя задача была скромнѣе: я стремился лишь къ постановкѣ этой жгучей темы и къ обоснованію ея возможности. Мнѣ кажется, цѣль эта мною достигнута. Задача моей теперешней рѣчи опять-таки скромная и минимальная. Мнѣ хотѣлось бы прибавить одинъ существенный штрихъ къ картинѣ, нарисованной въ предыдущей рѣчи и этотъ штрихъ будетъ заключаться въ истолко-

---

[1]) Эта рѣчь была произнесена въ Петроградѣ 26 ноября и въ Москвѣ 29 января въ Рож. Фил. Обществѣ памяти Вл. Соловьева. См. отчетъ въ Утрѣ Россіи «Споръ о германской культурѣ» № 31, 1915.

[2]) Евг. Адамовъ („Кіевская Мысль“, октябрь), Н. Эфросъ. Кантъ и Круппъ („Рѣчь“, окт.), С. Л. Франкъ. О поискахъ смысла войны („Русская Мысль“, XII), П. Рыссъ. Отъ Владиміра Соловьева къ Владиміру Эрну. День, 27 ноября. М. Рубинштейнъ. Виноватъ ли Кантъ? „Русск. Вѣд.“, № 33, 1915 г. и т. д.

ваніи и объясненіи того феноменализма, который составляетъ ядро теоретической философіи Канта и который въ своей односторонности неизбѣжно приводитъ къ Wille zur Macht и къ блиндированнымъ мечтамъ о всемірной гегемоніи. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось бы сдѣлать нѣсколько маленькихъ замѣчаній, къ одному изъ коихъ я непосредственно и перехожу.

I.

Прежде всего установленіе линіи, идущей отъ Канта къ Круппу—есть чисто теоретическій анализъ. Съ анализомъ можно не соглашаться, противъ анализа можно ссылаться на „отрицательныя инстанціи“,—но нельзя анализъ разсматривать, какъ практическое посягательство на общепризнанныя цѣнности. Подумать страшно, до какого духовнаго рабства мы можемъ дойти изъ самыхъ возвышенныхъ и мнимо либеральныхъ побужденій, если мы отвергнемъ право изслѣдователя вынимать музейныя цѣнности даже самой высокой духовной культуры изъ-подъ стеклянныхъ колпаковъ и разсматривать ихъ по существу, какъ живыя силы. Слишкомъ скоро волнующіеся отъ такого испытательскаго отношенія къ великимъ именамъ пусть успокоятся отъ слѣдующаго простого различенія. „Безумно“ и „дико“ войти въ музей и изрѣзать, напримѣръ, „Весну“ Боттичели; и въ то же время въ высокой степени разумно и совсѣмъ не дико подвергать дѣло Боттичели теоретическому анализу и утверждать, напр., что глубокоискренненъ и плѣнительно задушевенъ онъ въ картинахъ на темы античныя, и манеренъ и религіозно безсиленъ въ картинахъ на темы христіанскія. Критика есть критика, и ставить пре-

дѣлы свободному изслѣдованію, это значитъ рѣшительно отказаться отъ настоящаго испытыванія вещей, которое особенно опасно оставлять въ такія отвѣтственныя и такія подъемныя эпохи, какъ наша.

Второе маленькое замѣчаніе — исчерпывается упоминаніемъ о двухъ любопытныхъ фактахъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ произнесенія рѣчи „Отъ Канта къ Круппу", телеграфъ принесъ извѣстіе, что философскій факультетъ Боннскаго университета избралъ докторами honoris causa Круппа и директора Круповскихъ заводовъ Аусенберга. Моя рѣчь какъ бы предвидѣла, т.-е. предсказала это событіе и обосновала его діалектически, а такъ какъ по самому позитивному критерію истиннаго знанія savoir—c'est prevoir, то это предвидѣніе необходимаго философскаго затменія у интеллектуальныхъ верховъ современнаго германизма должно быть сочтено всякимъ безпристрастнымъ человѣкомъ за косвенное указаніе вѣрности моихъ философскихъ „вычисленій", хотя бы даже сразу они и не казались принудительно убѣждающими. Другой фактъ заключается въ томъ, что несмотря на открытую полемику противъ моей основной мысли, такой вдумчивый и осторожный писатель какъ М. О. Гершензонъ въ своей статьѣ „Уроки войны", признается, что „въ грубомъ и глупомъ матеріализмѣ нѣмецкихъ властей" „есть какое-то странное соотвѣтствіе съ новѣйшими нѣмецкими ученіями по теоріи познанія". Подъ новѣйшими нѣмецкими ученіями по теоріи познанія — можно разумѣть прежде и больше всего имманентизмъ, риккертіанство, когеніантство,—т.-е школы неокантіанскія. Но школы неокантіанскія исторически и формально связаны съ Кантомъ и такимъ образомъ объективной логикой М. О. Гершензонъ вынужденъ

признать, что нѣмецкія звѣрства, т.-е. „Круппъ“ „имѣетъ какое-то странное соотвѣтствіе“ съ Кантомъ, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ Кантомъ, который породилъ „новѣйшія нѣмецкія ученія по теоріи познанія“. Если избраніе Круппа докторомъ философіи звучитъ пикантно и для многихъ неожиданно, то и невольное признаніе Гершензона не лишено остраго и глубоко симптоматическаго значенія.

Перейдемъ теперь къ разъясненію феноменализма.

II.

Чтобы раскрыть сокровенный и корневой смыслъ феноменализма, я прибѣгну къ описанію его глубочайшей сущности въ терминахъ внутренняго опыта. Слова внутренняго опыта понятны всѣмъ и въ то же время они составляютъ настоящее ядро самыхъ отвлеченныхъ философскихъ понятій, что все больше и больше подчеркиваютъ историки философіи. Всякое познаніе есть взаимоотношеніе субъекта съ объектомъ. Субъектъ это тотъ, кто познаетъ, объектъ—то, что познается. Иначе, субъектъ есть активная форма познанія, объектъ — формируемая матерія. Какъ активная форма субъектъ есть начало мужеское; какъ формируемая матерія, объектъ или дѣйствительность есть начало женское [1]).

Мужское и женское могутъ вступать между собою въ многоразличныя отношенія. И иныя изъ этихъ отношеній нормальны, естественны, энтелехійны, иныя же—неестественны, ненормальны, уродливо односто-

---

[1]) Это пониманіе познанія обосновывается въ моей работѣ „Природа мысли“. „Бог. Вѣстн.“, 1913 г.

ронни. Мужское можетъ совершенно не считаться съ глубинной сущностью и внутреннимъ бытіемъ женскаго, тогда мы будемъ имѣть насиліе мужского начала надъ женскимъ, нѣкое внѣшнее порабощеніе женскаго начала. Во-вторыхъ, мужское начало, увлекаясь дурными сторонами начала женскаго, и льстя его губительнымъ склонностямъ къ неопредѣленности и двусмыслію, можетъ вступать съ нимъ въ недолжное соотношеніе взаимнаго порабощенія и взаимной связанности. Если первый случай есть простое насильничество, то второй случай можетъ быть названъ неодухотвореннымъ донъ-жуанствомъ. Въ-третьихъ, мужское и женское могутъ вступать въ различныя формы земного брака, освященнаго Небомъ и въ то же время не изживающаго ни всей глубины и тайны начала женскаго, ни всей силы и энергіи начала мужского. Въ этомъ случаѣ женское естество впервые опознается и признается въ своей священной сути и утверждается навѣки въ аспектѣ страднаго и блаженнаго материнства. Въ четвертыхъ, и это послѣднее и предѣльное взаимоотношеніе, формы земного брака могутъ быть признаны частичными и предварительными. Подъ ихъ священными покровами открывается новая и глубинная невѣстность женскаго естества и влюбленность мужского и подлинное и а б с о л ю т н о е соединеніе между ними переносится въ безпредѣльную за-историческую сферу непостижимаго брака Агнца съ Церковью.

Было бы очень легко всѣ виды соотношенія между познающимъ субъектомъ и познаваемой дѣйствительностью расклассифицировать по только что набросанной схемѣ. Я же примѣню эту схему лишь для разъясненія и раскрытія интересующаго насъ понятія.

III.

Феноменализмъ происходитъ отъ слова φαίνεσθαι, по-русски являться. Явленіе въ нашемъ земномъ опытѣ есть пунктъ соприкосновенія или встрѣчи познающаго съ познаваемымъ. Казалось бы, эта встрѣча можетъ быть мыслима по нашей схемѣ во всѣхъ четырехъ возможностяхъ. Къ сожалѣнію философія, которая обыкновенно называется феноменалистической, съ исключительнымъ фанатизмомъ замыкается въ первыя двѣ возможности и знать ничего не хочетъ о возможностяхъ послѣднихъ. Историческую силу феноменалистическая философія получаетъ въ Новое Время и здѣсь она имѣетъ двѣ формы: наивную форму англійскаго эмпиризма и французскаго энциклопедизма, которыя изживаютъ въ постепенномъ развитіи различные виды преходящихъ, легкомысленныхъ связей между познающимъ субъектомъ и познаваемою дѣйствительностью, и форму ученую, „критическую“ въ философіи Канта, которая съ изумительнымъ паѳосомъ возводитъ въ перлъ созданіе конкубинатъ между познаваемой дѣйствительностью и познающимъ субъектомъ и своимъ отрицаніемъ самой возможности нормальныхъ отношеній между „мужемъ“ и „женою“—узаконяетъ самыя низкія формы блудныхъ отношеній, вплоть до насильническаго разрушенія Реймскаго собора снарядами Крупповскихъ орудій.

Сущность Кантова феноменализма заключается въ томъ, что процессъ частичнаго отрицанія и меонизаціи познаваемой дѣйствительности,[1]) совершавшійся въ

[1]) О процессѣ меонизаціи ср. мою книгу „Борьба за Логосъ“.

философіи XVII и XVIII вѣковъ, находитъ у него рѣшительное обостреніе. Познаваемую дѣйствительность онъ объявляетъ всю и безъ остатка творимой и созидаемой, познающимъ разумомъ, непознаваемая же дѣйствительность разрѣшается у него въ чистую проблематичность, въ трансцендентальный Grenzbegriff. Поскольку что-нибудь познается, постольку оно создается, и внѣ разумнаго созиданія предмета не можетъ быть никакого познанія. In abstracto этимъ дается гносеологическая формула и завѣтъ такого чистаго насильничества надъ дѣйствительностью, при которомъ женственная сущность сущаго начисто отрицается и не признается. Она существуетъ лишь какъ предметъ овладѣнія лишь для осуществленія конкубината и дѣйствительна только въ немъ и поскольку онъ совершается. У Канта этотъ актъ маскируется паутинными формами чувственности и паучинными категоріями, и все же деревянный грохотъ схоластической терминологіи и нарочитой абстракціи не можетъ заглушить печальнаго жужжанія попавшей въ эти сѣти и умирающей въ нихъ дѣйствительности.

Съ большою гордостью Кантъ выставилъ притязаніе быть третейскимъ судьей между враждующими теченіями предшествующей ему философіи. Съ непоколебимою увѣренностью онъ надѣлъ на себя цѣпь судьи и право или не право, но произнесъ свой рѣшительный приговоръ. Различные нелады между субъектомъ и дѣйствительностью, которые неизбѣжны были при гносеологическомъ „донъ-жуанствѣ“ англійскаго эмпиризма и картезіанско-лейбниціанскаго раціонализма, Кантъ, примѣняя всю полноту судебной власти рѣшилъ разъ навсегда прекратить формальнымъ провозглашеніемъ развода на вѣки-вѣчные между разумомъ и дѣйствительностью. Кантъ былъ слишкомъ

деспотиченъ для того, чтобы покровительствовать „легкомысленнымъ связямъ“. Съ другой стороны онъ былъ слишкомъ обуреваемъ традиціями новой философіи для того, чтобъ признать формы священнаго брака и существенную невѣстность міра. Ему оставалась только одна дорога: сдѣлавъ постановленіе о запрещеніи брака, устремиться къ такому безбрачному овладѣнію дѣйствительности, при которомъ были бы исключены всякіе моменты, подлиннаго соединенія съ объектомъ. Паѳосъ Sturm ûnd Drang'a, какъ это ни странно, нигдѣ и никогда не достигалъ такого безграничнаго обостренія, какъ въ Критикѣ чистаго разума. Это было абсолютно „геніальное“ предпріятіе. Если Софія Арну въ духѣ времени называла бракъ „таинствомъ прелюбодѣянія“, то Кантъ это изреченіе универсализировалъ, вознесъ къ снѣжнымъ истокамъ національной мысли и отсюда напоилъ имъ многоводныя рѣки дальнѣйшей нѣмецкой философіи. Изъ судьи, самъ того не замѣчая, Кантъ сдѣлался блюстителемъ совокупности отдѣльныхъ наукъ. Въ этомъ бездушномъ циклѣ отдѣльныхъ обезсмысленныхъ дисциплинъ женственная дѣйствительность въ своихъ различныхъ закрытыхъ ликахъ отдавалась на удовлетвореніе эротическихъ стремленій научнаго метода. Философъ же, въ люциферическомъ „безстрастіи“ занимался магіей первоначальнаго созиданія различныхъ ликовъ дѣйствительности для работы надъ ними „научнаго метода“. Вся дѣйствительность, т.-е. весь orbis scientiarum со всей дѣятельностью въ немъ отдѣльныхъ наукъ въ послѣднемъ счетѣ обратились такимъ образомъ въ маріонеточное марево, вызываемое изъ небытія всемогущей волей трансцендентальной апперцепціи, подъ коей какъ „подъ таинственной холодной полумаской“ мелькаютъ знакомыя черты

исконнаго принципіальнаго безбрачника и абсолютнаго холостяка.

IV.

Но несмотря на эти строгія постановленія, Кантъ не оставлялъ своего романа съ метафизикой. Онъ, въ самомъ глубинномъ замыслѣ своемъ ее окончательно уничтожившій, не переставалъ о ней говорить въ терминахъ чрезвычайно страннаго патологическаго эроса. Изъ этого эроса и возникъ цѣлый рядъ въ корнѣ испорченныхъ системъ метафизики, изъ коихъ самая послѣдняя и самая грандіозная есть мечтательное возстаніе позитивнѣйшаго съ виду народа на чудовищно-фантастическое предпріятіе.

Для меня несомнѣнно, что неслыханное (Кантъ съ полнымъ правомъ подчеркиваетъ совершенную новизну своего дѣла) искаженіе отношеній между познающимъ субъектомъ и познаваемою дѣйствительностью не могло быть единоличнымъ дѣломъ Канта, несмотря на всю его исключительную геніальность. Философія Канта была ничѣмъ инымъ какъ литературной транскрипціей тѣхъ сдвиговъ и перемѣщеній, которыя передъ тѣмъ бытійственно совершились въ самыхъ глубокихъ нѣдрахъ нѣмецкой націи. Если мы укажемъ, въ чемъ состояли эти сдвиги, мы разъяснимъ послѣдній услѣдимый мистико-историческій корень Кантова дѣла, закономѣрно приведшій къ Круппов-скимъ манифестаціямъ современнаго германизма.

Философіи Канта въ нѣмецкомъ духѣ предшествовало нѣкое глубинное разстройство того, что можетъ быть названо половымъ моментомъ національно-коллективной жизни. Отношенія между отдѣльнымъ субъектомъ и дѣйствительностью могли вылиться въ класси-

ческую форму Кантовой философіи только потому, что въ порядкѣ историческаго самоопредѣленія нѣмецкій народъ нѣсколькими вѣками раньше возвелъ въ догму аномалію отвлеченной мужественности и отрицаніе положительной женственной сущности. Черезъ годъ послѣ своего возвращенія изъ Рима, августинскій монахъ Мартинъ Лютеръ со всей безудержностью, ему свойственной, перерѣзалъ живое духовное питаніе нѣмецкаго организма небесною женственностью Пресвятой и Пренепорочной Дѣвы - Матери, и съ тѣхъ поръ начались трагическія блужданія нѣмецкаго духа, черезъ Критику чистаго разума пришедшаго къ современному гордому предпріятію: чистымъ насиліемъ и одной лишь люциферической, отвлеченно-мужеской техникой своей культуры, захватить власть надъ народами и овладѣть Землей.

Вопросъ, позволитъ ли Земля насильнику овладѣть своею святою сущностью—и рѣшается на поляхъ сраженія.

V.

Среди возраженій, которыя мнѣ пришлось читать о моей мысли, одно поразило меня своею забавною серьезностью.

„Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ г. Пасынковъ, — почему же Кантъ съ его туманностью и распыленностью, съ его системою, плавающей въ „хорѣ стройномъ свѣтилъ“, съ его ирреализаціей земного, предметнаго, сталъ вдругъ и земнымъ и реальнымъ“. „Между культурой Канта, глаза котораго были устремлены къ Плеядамъ, и германскимъ милитаризмомъ, ничего общаго не можетъ быть“ [1]).

[1]) Сараценія. „Бирж. Вѣд.“, 27 ноября.

Слова о „туманности“ очень характерны. Ихъ повторяетъ другой „критикъ“ г. Брусиловскій. „Кантъ,—говоритъ онъ,—вершина, съ которой при всемъ обвалакивающемъ ее туманѣ, разстилаются чудныя, притягивающія дали“ [1])...

Я не знаю, о какихъ горахъ говоритъ г. Брусиловскій, о трансцендентальныхъ или дѣйствительныхъ. Всякій, кто бывалъ въ горахъ, знаетъ, что присутствіе тумана уничтожаетъ всякія дали. Если туманъ рѣдокъ и легокъ, остается виденъ лишь ближайшій передній планъ. Если тяжелъ и густъ, то не видно уже ничего. Эллины глубоко понимали опасную сущность „тумана“. Когда Иксіонъ, въ святотатственномъ порывѣ захотѣлъ овладѣть Герою, Зевсъ подсунулъ ему богиню Нефелу (Облако) и отъ этого любопытнаго брака родилось чудовище—Кентавръ. Я не спорю противъ того, что вершина Кантовой мысли дѣйствительно покрыта туманомъ, но если мы не предпишемъ себѣ, чтобъ наше разсмотрѣніе кантовскаго тумана заволакивалось туманомъ и само было туманнымъ, мы не должны особенно удивляться тому, если діалектическое изслѣдованіе вмѣсто риторическихъ „далей“, увидитъ въ вершинѣ Кантовой мысли тѣ самыя мрачныя пещеры, наполненныя туманомъ, въ коихъ зародился чудовищный Кентавръ современнаго германизма. И тогда многочисленное потомство этого кентавра—мелкіе blonde Bestien—окажутся въ ближайшемъ духовномъ родствѣ съ туманной вершиной нѣмецкой мысли.

Чтобъ покончить съ туманомъ г. Брусиловскаго и перейти къ Плеядамъ г. Пасынкова, я скажу, что сущность Кантовскаго „тумана“, какъ разъ и состоитъ

[1]) Отъ Канта къ Круппу. „Рѣчь“, 1 декабря.

въ ирреализаціи земного. Меонизація внутренняго и внѣшняго опыта, уничтоженіе свѣтлыхъ, расчленяющихъ и организующихъ онтологическихъ формъ дѣйствительности, свойственное глубочайшему духу философіи Канта, и есть ничто иное какъ фабрикація меонической туманности, въ себѣ самой не существующей и въ то же время поглощающей все существующее. Насильственный процессъ ирреализаціи земного по свѣтлымъ законамъ Олимпа—бросаетъ въ объятія ирреализирующаго тотъ самый туманъ (или „Нефелу"), изъ котораго рождается меонический монстръ—германскій милитаризмъ. Сама же нѣмецкая мысль ввергается въ огненное вращеніе Иксіонова Колеса.

Что же касается до Плеядъ, на которыя устремленъ былъ взоръ Канта, то одно простое упоминаніе ихъ ровно ничего не доказываетъ. Кантъ съ паѳосомъ говоритъ о звѣздномъ небѣ, но врядъ ли найдется другой философъ, который бы съ такою силою какъ Кантъ обездушивалъ и обезсмысливалъ звѣздное небо. Вѣчную славу звѣздныхъ пространствъ, священно переживаемую древностью, средними вѣками и православіемъ, стали расхищать философы новаго времени, и это расхищеніе до предѣла своего было доведено именно Кантомъ. Для Канта звѣздное небо — только явленіе чувственности, только голый феноменъ, безпредѣльная, холодная пустота, астрономическая карта. Если бы его дѣйствительно волновало звѣздное небо и онъ чувствовалъ его священную значительность и его горній, внутренній смыслъ, онъ долженъ былъ бы отринуть туманъ, который выросталъ изъ его феноменализма, и чрезъ который онъ попадалъ въ объятія Нефелы. Отъ созерцанія „Плеядъ" ничего не родилось въ философіи Канта, а отъ вер-

шиннаго „тумана“ — весь запутанный желѣзный ея остовъ, съ котораго начинается господство германской идеи въ исторіи.

А. Бѣлый остроумно подчеркнулъ несовмѣстимость звѣзднаго неба и феноменализма.

„Вдали иного бытія
Звѣздоочитыя убранства...
И вздрогнувъ, вспоминаю я
Объ иллюзорности пространства“.

VI.

Теперь въ заключеніе позвольте мнѣ сдѣлать еще одно небольшое послѣднее замѣчаніе, которое (если только оно будетъ услышано!) должно установить правильную перспективу на все вышесказанное.

Я старался установить линію отъ Канта къ Круппу; я указалъ мимоходомъ, что у Канта есть предки: Экхартъ, Лютеръ, Бёме. Эту линію я разсматриваю какъ магистраль, т.-е. какъ большую, широкую и торную дорогу въ историческомъ развитіи и въ историческомъ выявленіи германскаго начала. Но магистралью, имѣющей огромное и первенствующее значеніе для внѣшней судьбы народа, ее прокладывающаго, отнюдь не исчерпываются всѣ пути духа въ томъ же самомъ народѣ. Кромѣ указанной магистрали мы имѣемъ еще въ нѣмецкомъ народѣ иныя линіи духовнаго развитія и иныя преемства. Эти линіи исторически малодѣйственны и тѣмъ не менѣе полны внутренней глубочайшей, я бы сказалъ, вселенской значительности. Я имѣю въ виду прежде всего чистѣйшую не только въ классическомъ, но и религіозномъ смыслѣ линію старой нѣмецкой музыки, а затѣмъ свѣтлыя

вершины нѣмецкой поэзіи: Шиллера, Гёте, Новалиса.

Мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ моя духовная борьба противъ магистрали: Экхартъ, Кантъ, Круппъ, была ложно истолкована какъ отрицаніе только что упомянутыхъ благороднѣйшихъ линій въ манифестаціяхъ германскаго духа. Моя вражда не противъ субстанціи нѣмецкаго народа, а противъ его дурной, чудовищной модальности, въ которую онъ оказался теперь вовлеченнымъ своимъ 70-милліоннымъ составомъ. И я хочу надѣяться, что побѣда Россіи будетъ не простымъ сокрушеніемъ германскаго могущества, но и освобожденіемъ лучшихъ сторонъ нѣмецкаго духа изъ-подъ ига тяжелой, сокрушительной магистрали. Я вѣрю, что и здѣсь должна проявиться съ особымъ духовнымъ сіяніемъ освободительная миссія православной Россіи. Наше чудесное воинство, подобно своему святому патрону — Георгію Побѣдоносцу — должно поразить насмерть германскаго Дракона лишь для того, чтобы освободить его плѣнницъ; среди же плѣнницъ этихъ находятся не только народности, порабощенныя тевтонскимъ засиліемъ, но и порабощенная магистралью, отдавшаяся Люциферу и духамъ злобы поднебесной душа самого германскаго народа.

„АВТОНОМНАЯ АРМЕНІЯ".

Какъ только началась война съ Турціей, досужіе люди занялись вопросомъ о будущей организаціи турецкой Арменіи. Въ то время, какъ надъ несчастной страной, періодически вырѣзываемой, загорѣлась заря великаго и полнаго освобожденія отъ многовѣкового и жестокаго мусульманскаго ига,—какіе-то спокойные и невозмутимые „политики" стали заниматься изобрѣтеніемъ отвлеченнаго, надуманнаго и чрезвычайно шаблоннаго „проекта" будущей армянской автономіи.

Въ этомъ проектѣ все нелогично и все антиреально. По мысли приверженцевъ проекта, автономія должна распространиться лишь на турецкую Арменію. „Мы,—говорили нѣкоторые представители русскихъ армянъ,—для себя ничего не желаемъ. Армянамъ хорошо живется подъ сѣнію россійскихъ законовъ. Мы говоримъ лишь о той области, которая съ помощью Божьей будетъ завоевана русскимъ оружіемъ". Это заявленіе вызываетъ большое недоумѣніе. Если оно искренно, то нелогично. Если логично, то неискренно. Русскимъ армянамъ живется въ Россіи хорошо. Чего же въ такомъ случаѣ можно желать армянамъ турецкимъ?

Не того ли, чтобы и имъ жилось такъ же хорошо, какъ армянамъ русскимъ? Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ автономія? Тогда турецкая Арменія должна войти въ составъ великой Россіи, и армяне турецкіе

этимъ самымъ возсоединятся съ той большой, болѣе культурной и зажиточной частью армянскаго народа, которая давно уже „обжилась“ и, я бы сказалъ, „сроднилась“ съ огромнымъ домомъ россійскаго государства. Автономія, которая была бы особенностью одной части Арменіи и отличала бы ее отъ другой,—оказалась бы въ такомъ случаѣ лишь преградой для объединенія и задерживала бы полное и возможно болѣе тѣсное сліяніе двухъ разрозненныхъ, исторически разъединенныхъ частей армянскаго народа. Поэтому тѣ, кому дорого подлинное объединеніе многострадальнаго тѣла армянской народности, должны желать прежде всего, чтобы армяне, освобождаемые изъ-подъ турецкаго ига, попали въ тѣ же самыя условія, въ какихъ живутъ русскіе армяне, т.-е. вошли бы въ составъ русскаго государственнаго единства.

Однакожъ нѣкоторые, особенно представители армянской интеллигенціи, хотятъ автономіи, т.-е. отдѣльности, особыхъ условій для турецкой Арменіи. Въ чемъ же дѣло?

Очевидно, подъ нелогичностью скрывается темная или затаенная мысль. Автономія нужна не только для того, чтобы турецкимъ армянамъ жилось хорошо (какъ живется русскимъ армянамъ), но и для чего-то другого. Кромѣ хорошей жизни, приверженцы „проекта“ желаютъ для турецкой Арменіи какого-то особаго плюса по сравненію съ Арменіей русской.

Въ чемъ же состоитъ этотъ плюсъ? Врядъ ли нужно особенно задумываться, чтобы разгадать эту загадку. Плюсъ будетъ состоять въ большей степени самоуправленія, въ большей доли мѣстной свободы, а можетъ-быть, (кто знаетъ?) въ большей независимости отъ русскаго государства. При такой постановкѣ вопроса можно начать разсуждать почти съ матема-

тической точностью. Часть народа армянскаго, обладающая нѣкоторымъ положительнымъ плюсомъ по сравненію съ другой частью, станетъ идеаломъ для послѣдней, и обладаніе этимъ плюсомъ сдѣлается тайнымъ помысломъ и желаніемъ тѣхъ, кто плюса этого будетъ лишенъ.

Другими словами, Арменія русская не къ себѣ будетъ тянуть Арменію турецкую, а сама будетъ тянуться къ ней. На окраинѣ своего государства мы создадимъ, такимъ образомъ, своими собственными руками центробѣжныя стремленія, которыя при случаѣ могутъ быть использованы нашими многочисленными врагами, и тогда въ средѣ лойяльнѣйшаго и сроднившагося съ Россіей армянскаго народа мы можемъ возымѣть цѣлый рядъ неожиданныхъ и горестныхъ трудностей.

Но, кромѣ отсутствія государственнаго смысла, въ этомъ проектѣ есть еще внутреннія несообразности и полная отрѣшенность отъ конкретной дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ, турецкая Арменія для приверженцевъ проекта, несмотря на видимую и какъ будто исключительную заботу именно о ней и только о ней, является замаскированнымъ средствомъ, а отнюдь не цѣлью. Созданіе плюса, можетъ-быть, нужно не турецкой Арменіи, а только русской. Черезъ утвержденіе плюса въ турецкой Арменіи русскіе армяне могутъ надѣяться въ не столь отдаленномъ будущемъ овладѣть этимъ плюсомъ и для себя. Видимое безкорыстіе авторовъ проекта является на самомъ дѣлѣ очень „дипломатическимъ“ и въ восточномъ вкусѣ. Что турецкой Арменіи не нужна никакая „автономія“— въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кто сколько-нибудь знакомъ съ звѣрскимъ безправіемъ,

въ которомъ живутъ турецкіе армяне, тотъ не можетъ не согласиться, что переходъ ихъ въ русское подданство будетъ для нихъ выходомъ изъ почти адскаго состоянія, т.-е. настоящимъ блаженствомъ. Какъ сообщаютъ газеты, въ настоящую минуту турки убиваютъ армянъ за радость, которая сквозитъ въ ихъ лицахъ при вѣсти о приближеніи русскихъ войскъ. Велика должна быть радость эта, если ее не умѣютъ скрыть при всей опасности быть убитымъ за ея обнаруженіе!

Конечно, не этимъ несчастнымъ нужна „автономія". Если ихъ перестанутъ грабить, насиловать, жечь и уничтожать, въ самомъ буквальномъ, физическомъ смыслѣ слова,—то это предѣлъ ихъ желанія. „Автономія" нужна для тѣхъ, кто не довольствуется сравнительно очень широкими правами, которыми пользуются русскіе армяне. Армяне имѣютъ въ Россіи: безусловную свободу вѣроисповѣданія, совершенную церковную автономію, преподаваніе въ школахъ на своемъ родномъ языкѣ и полное политическое равноправіе съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Приверженцы „автономіи" не довольствуются и этимъ. Въ такомъ случаѣ они хотятъ большихъ правъ, чѣмъ тѣ, коими пользуется въ русскомъ государствѣ само русское населеніе.

Въ этомъ желаніи, какъ таковомъ, нѣтъ ничего незаконнаго. Стремиться къ свободѣ и къ возможно болѣе широкому самоуправленію естественно и неизбѣжно. Но форма этого стремленія, облекающаяся въ проектъ частичной и половинной „автономіи", явно несостоятельна.

Русское государство и русскій народъ не могутъ допустить того, чтобы одна часть населенія Россійской имперіи обладала какими-то преимуществами и

прерогативами сравнительно съ другими частями населенія. Стремленіе къ такому плюсу, которымъ не обладаетъ все населеніе имперіи, является по замыслу своему антигосударственнымъ и сепаратистскимъ. Государственная жизнь, если она только развивается нормально (какъ это мы видимъ въ Соединенномъ королевствѣ), идетъ отъ центра къ периферіи, а не отъ периферіи къ центру. Ростъ и развитіе новыхъ государственныхъ формъ должны быть дѣломъ всероссійскимъ и общероссійскимъ, проходить черезъ коренное населеніе Россіи къ окраинамъ, а не обратно.

Проекты отдѣльныхъ автономій, не основанные на общемъ принципѣ всероссійскаго законодательства, являются не ступенями къ достиженію новыхъ, болѣе свободныхъ формъ государственной жизни, а всего лишь помѣхой и задержкой, ибо здоровая государственность неизбѣжно вступаетъ въ борьбу съ центробѣжными стремленіями, а эта борьба, вызывая напрасныя и ненужныя ожесточенія, задерживаетъ ростъ свободы внутри государства.

Въ такую отвѣтственную и трудную эпоху, какъ наша, не слѣдуетъ и плодить бумажные проекты и безъ всякой нужды усложнять и безъ того сложную картину безчисленныхъ и разнообразныхъ проблемъ, возставшихъ со всѣхъ сторонъ передъ Россіей. Во всякаго рода прогрессѣ движеніе идетъ двумя параллельными линіями. Одна линія отмѣчаетъ наростаніе сложности, ибо жизнь и потребности ея усложняются, другая же отмѣчаетъ процессъ упрощенія. Въ достигнутой сложности производятся „сокращенія“ и сведенія къ болѣе простымъ формамъ. Одна линія усложненія, безъ второй линіи, упрощающей, очень скоро привела все человѣчество къ настоящему хаосу.

Намъ нужно стремиться переходить къ новымъ болѣе сложнымъ формамъ государственнаго строительства тамъ, гдѣ этого повелительно требуетъ жизнь (Польша, Константинополь, славянство) и упрощать тѣ напрасныя усложненія, которыя вызываются не подлинными потребностями жизни, а отвлеченными „идеологіями“ („украинофильство“ и проектъ автономной турецкой Арменіи).

Послѣдній проектъ особенно характеренъ своей явной надуманностью и неорганичностью.

Армяне турецкіе должны получить то, что имѣютъ армяне русскіе. Вся же возсоединенная Арменія можетъ дальше расти и политически развиваться лишь въ ритмѣ и въ созвучіи съ общимъ ростомъ государственности русской. И, конечно, армянскій народъ ни о чемъ другомъ не мечтаетъ.

ОСТРІЕ РУССКО-ПОЛЬСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

Врядъ ли кто-нибудь станетъ отрицать, что остріе русско-польскихъ отношеній—религіозное, не племенное, не территоріальное, не политическое, не экономическое, а вѣроисповѣдное. Такъ было въ жестокую годину Смутнаго времени, такъ есть, къ великому счастью, и въ отвѣтственную годину настоящаго свѣтлаго и яснаго времени. Поляки одинаково съ русскими народную душу свою полагаютъ не въ тлѣнныхъ феноменалистическихъ планахъ исторіи, не въ одномъ только матеріальномъ довольствѣ и не въ волѣ къ порабощенію другихъ народностей, а въ разрѣшеніи нѣкихъ вѣчныхъ, онтологическихъ задачъ, поставленныхъ высшимъ смысломъ исторіи и Божественной Правдой. Польша съ великимъ порывомъ и страстью сознаетъ себя священнымъ авангардомъ католичества, въ его движеніи на Востокъ, Россія смиренно чувствуетъ себя наиболѣе крупнымъ всемірноисторическимъ тѣломъ православія. Конечно, кромѣ этого основного контраста, есть много и другихъ болѣе мелкихъ контрастовъ. Но я намѣренно отъ нихъ отвлекаюсь.

Я обращаю вниманіе на религіозное остріе вопроса, которое остается въ силѣ при самомъ братскомъ и солидарномъ разрѣшеніи всѣхъ другихъ вопросовъ. Впрочемъ, я убѣжденъ, что шила въ мѣшкѣ никакой

„дипломатіей“ и никакими дружественными и политическими умолчаніями не утаишь, и безъ самаго усиленнаго вниманія къ острію, безъ новыхъ творческихъ фактовъ религіознаго порядка, истинно братскихъ отношеній между Польшей и Россіей не можетъ установиться, даже если бы надъ этимъ стали трудиться много политиковъ, много дипломатовъ и много самыхъ талантливыхъ государственныхъ людей.

Между русскими и поляками долженъ открыться существенный обмѣнъ мнѣній на тему объ острiѣ, произойти религіозное взаимоопредѣленіе. Это не можетъ свершиться въ одинъ день, но это настоятельно необходимо. Что скажутъ поляки и какъ они отнесутся къ проблемѣ религіознаго острія, это, конечно, покажетъ ближайшее будущее. Мы можемъ только сказать, что съ великою жаждою ждемъ отъ нихъ ихъ слова и ихъ религіозныхъ высказываній. Въ надеждѣ на то, что мое обращеніе не останется безъ отвѣта, я попытаюсь сформулировать то, что, по моему крайнему разумѣнію, можетъ сказать о религіозномъ острiѣ православное русское сердце, то сердце, которое трепетно радуется сближенію и братскому единенію съ великимъ единоплеменнымъ народомъ, то сердце, которое хотѣло бы быть свободнымъ какъ отъ конфессіональнаго ослѣпленія и историческихъ предразсудковъ, такъ и отъ малѣйшаго забвенія своихъ нетлѣнныхъ, вѣчныхъ святынь.

Я много думалъ и размышлялъ и послѣ долгаго испытанія вопроса со всѣхъ сторонъ пришелъ къ выводу, что русское и православное сердце могло бы обратиться къ полякамъ съ такой приблизительно рѣчью:

„Братья поляки! Не въ примѣръ многимъ народамъ, вы больше всего дорожите своимъ религіознымъ

предназначеніемъ. Мессіанская идея у васъ расцвѣтаетъ особенно пышнымъ мистическимъ цвѣтомъ. Прежде всего примите отъ насъ привѣтъ за эту особую страстность и особую патетичность вашего отношенія къ своему высшему, сверхъисторическому назначенію. Вашъ повышенный, часто пламенный интересъ къ нетлѣнному лику своего народа, ваши порывистыя и возвышенныя стремленія постигнуть Богу предстоящую душу Польши не могутъ не находить въ насъ самаго горячаго отзвука. Мы также ищемъ своего лика не на землѣ, а на небѣ, мы также въ лучшихъ представителяхъ нашего народнаго генія горняя мудрствуемъ и горняя взыскуемъ. Несомнѣнно, что мы, какъ и вы, вносимъ въ религіозность черты нашей національной психологіи. Не въ укоръ я хочу сказать это. Въ домѣ Отца обителей много, и каждый горящій свѣтильникъ предъ престоломъ Господнимъ желаненъ и навѣки благословенъ. У насъ можетъ быть только одна забота, — чтобы свѣтильникъ чисто и свято горѣлъ.

Но въ то же время мы, какъ и вы, душу свою полагаемъ не въ своихъ народныхъ особенностяхъ, какъ таковыхъ, а въ нашей вѣрности и въ нашемъ служеніи святынѣ сверхнародной и абсолютной. Для васъ такая святыня—католичество, для насъ—православіе.

Не будемъ закрывать глазъ. Между тѣмъ и другимъ—огромная разница. Я менѣе, чѣмъ кто-либо другой, склоненъ отрицать глубокую пропасть, раздѣляющую психологію религіозности католической отъ психологіи религіозности православной. Еще менѣе склоненъ я затушевывать великое провиденціальное различіе въ судьбахъ и историческихъ путяхъ Церкви восточной и Церкви западной. Но вотъ вопросъ: заходитъ ли это раздѣленіе до послѣдней мистиче-

ской глубины? Что, одному Богу мы служимъ или же двумъ?

Не нужно хладной терпимости! Было бы тягчайшимъ взаимнымъ оскорбленіемъ, если бъ русскіе и поляки, во имя нигилистическаго принципа ложно понятаго либерализма, стали бы „терпѣть“ святыни другъ у друга приблизительно такъ, какъ просвѣщенное государство терпитъ на своей территоріи шаманство, или другія формы древнѣйшихъ уже оставленныхъ заблужденій. Такую терпимость съ гордостью должны отклонить какъ русскіе, такъ и поляки. Эта терпимость означала бы взаимопрезрѣніе — но тогда лучше ужъ открыто и насмерть бороться другъ съ другомъ! Это честнѣе и религіознѣе. Къ счастью, кромѣ холодной терпимости, есть узкій, но зато надежный и положительный путь. Если мы вступимъ на этотъ путь, передъ нами откроются неожиданныя историческія перспективы. Я постулирую нѣкій новый и творческій фактъ въ отношеніяхъ между католичествомъ и православіемъ. Должно произойти новое религіозное взаимоопредѣленіе. Католичество и православіе должны свершить актъ церковнаго взаимопризнанія. Подъ церковнымъ взаимопризнаніемъ я разумѣю не соединеніе Церквей, о которомъ пока страшно и трепетно помышлять, ибо оно намъ рисуется чудеснымъ, ослѣпительнымъ, катастрофическимъ и потому мало зависящимъ отъ нашей исторической воли, а нѣчто гораздо болѣе простое, предварительное и легко осуществимое, и потому стоящее передъ нами какъ нѣкоторый долгъ и наша религіозная обязанность. Католики и православные должны прежде всего признать раздѣленіе между западной и восточной Церковью не онтологическимъ, а историческимъ. Мы безконечно уважаемъ исторію въ ея религіозной

конкретности и не думаемъ съ ея великими образованіями обращаться легкомысленно. Но въ то же время выше и больше исторіи — для насъ онтологія съ ея нетлѣнными святынями, и тамъ, гдѣ исторія споритъ и враждуетъ съ онтологіей, тамъ мы всегда и безусловно на сторонѣ онтологіи. Между католичествомъ и православіемъ есть подлинное родство въ онтологическомъ порядкѣ. Какъ бы ни раздѣляли насъ внѣшнія формы и историческія новообразованія, — у насъ есть нѣкая несокрушимая общность въ самыхъ центральныхъ святыняхъ. Мы одинаково живемъ и движемся таинствами; разными устами, но съ одинаковымъ литургическимъ паѳосомъ воспѣваемъ Пречистую и Пренепорочную Матерь Свѣтовъ. Признаемъ же религіозно эту общность, устранимъ разъ навсегда, рѣшительно, всякія сомнѣнія въ ней, и тогда передъ нами падутъ массы ненужныхъ, воздвигнутыхъ злой человѣческой волей, преградъ. Прежде всего долженъ сгинуть прозелитизмъ. Границы между католичествомъ и православіемъ пусть останутся тѣ же самыя, что существуютъ сейчасъ. Будемъ обращать въ христіанство зулусовъ и папуасовъ, кафровъ и готентотовъ, но не будемъ обращать въ христіанство другъ друга! Лучшіе изъ православныхъ богослововъ, наконецъ, твердые обычаи православной Церкви признаютъ дѣйственность и дѣйствительность таинствъ католической Церкви. Такіе крупные представители католическаго богословія, какъ о. Пальміери, признаютъ религіозное братство православія. Нужно, чтобы эти голоса перестали быть единичными и вылились въ форму нѣкотораго общаго каноническаго взаимопризнанія. Отъ этого взаимопризнанія еще безконечно далеко до желаннаго соединенія Церквей. Очевидно, еще Церкви западной и восточной предстоитъ пере-

жить огромный и, мнится намъ, катастрофическій, быть-можетъ даже апокалиптическій опытъ, прежде чѣмъ рухнутъ великія преграды и надъ землей, уневѣстившейся и готовой къ новой правдѣ просіяетъ единое солнце нераздѣльной каѳолической истины. Поэтому долго еще Церкви западной и восточной предстоитъ итти своими разными путями и свершать по-разному втайнѣ единое дѣло. Но расходясь въ путяхъ до антиномизма, будемъ уважать другъ въ другѣ служеніе единому Богу, многочастнѣ и многообразнѣ раздающему Свои дары, многочастнѣ и многообразнѣ ставящему задачи и призванія вѣкамъ и народамъ. Будемъ чувствовать единую глубину подъ нами, единое небо надъ нами и біеніе божественнаго единаго Сердца въ насъ".

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ эти слова могли бы показаться общими, блѣдными и суммарными. Ибо онтологическое родство между католичествомъ и православіемъ, кромѣ изувѣровъ, никто не думалъ отрицать. Но къ этому родству и въ православіи и въ католичествѣ установилось съ вѣками безразличное и холодное отношеніе. Поэтому говорить и напоминать о немъ стало излишне и безрезультатно. Великій вихрь событій, переживаемыхъ нами, здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, чудесно приноситъ новыя сѣмена невидимыхъ произрастаній, которыя, быть-можетъ, мы сподобимся увидѣть еще своими глазами, если только найдется въ васъ добрая почва. Потоки жертвенной крови, которую въ союзѣ и братствѣ льютъ католики и православные противъ единаго и общаго врага, обнажаютъ съ новою и огромною силою глубинную линію родства и единства. Война рождаетъ въ насъ новый мистическій опытъ, создаетъ новыя постиженія основныхъ силъ и тенденцій исторіи. И такія міровыя

начала, какъ католичество и православіе, обрѣтаются въ существенно новомъ соотношеніи.

Нашъ общій врагъ—германизмъ, одѣтый въ броню милитаризма, въ своей глубинѣ и движущей сущности опознается, какъ бунтующій и бушующій протестантизмъ. Не будемъ забывать относительной исторической правоты протестантизма. Но не будемъ закрывать глазъ и на то шипѣніе злобы, богохульства и величайшаго религіознаго отрицанія, которыя онъ фатальностью манифестируетъ въ настоящей войнѣ. Когда нѣмецкія войска превращаютъ костелы въ конюшни и на престолахъ пьютъ и ѣдятъ, какъ въ кабакахъ, когда нѣмецкіе лейтенанты стрѣляютъ въ чудесную реймскую храмину Божіей Матери и въ неистовствѣ посягаютъ на столь же чудесную парижскую Ея храмину—мы, православные чувствуемъ, что оскорбляются не въ переносномъ, а въ мистическомъ и буквальномъ смыслѣ наши святыни, и мы негодуемъ, не какъ просвѣщенные люди, не какъ моралисты, которымъ противно всякое надруганіе надъ святынею само по себѣ, даже если оно направлено на святыню послѣдняго дикаря; нѣтъ, мы негодуемъ, какъ православные на то, что тутъ оскорбили ту Самую Божію Матерь, передъ Которой распростирается ницъ вся православная Русь. Въ Бельгіи, Франціи, Польшѣ это Ея алтари, Ея святыни, Ея чудотворные лики и списки. И тутъ въ этомъ общемъ порывѣ гнѣва и ужаса передъ оскорбленіемъ святынь католики и православные неожиданно нападаютъ на огненную и несокрушимую линію своего умопостигаемаго родства. И вѣримъ, что насъ сближаетъ не только чувство гнѣва за одну святыню и чувство любви и преданности одной святынѣ, но и еще нѣчто болѣе высокое и ослѣпительное. Мы вѣримъ, что Францію спасъ отъ растоптанія и уни-

чтоженія невидимый Покровъ Богоматери, не разъ проявлявшей Свою любовь къ этой парадоксальной націи чудеснымъ вмѣшательствомъ въ ея исторію,— а въ спасеніи Франціи—и грядущее спасеніе Бельгіи; мы вѣримъ, что Пречистая Дѣва Своимъ покровомъ сообщаетъ русскому воинству ту несокрушимую сталь духа, о которую расшибаются тевтонскія полчища и разбитыя должны освободить отъ своего неистовства Польшу.

Будемъ же чутки къ новому опыту, дарованному намъ Провидѣніемъ, будемъ послушны великимъ и глубокимъ внушеніямъ исторіи, которая въ существѣ есть раскрывающаяся воля Божія, постараемся изъ всѣхъ силъ забыть раздоры и уже изжитую вражду и сольемся въ дружномъ порывѣ братской любви и церковнаго взаимопризнанія. И, какъ говоритъ апостолъ языковъ: „Будемъ искать того, что служитъ миру и ко взаимному назиданію“ (Рим. 14, 19).

„И НА ЗЕМЛИ МИРЪ.

25 декабря.

„Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе"... И вмѣсто мира на землѣ—величайшая изъ всѣхъ войнъ и величайшая изъ всѣхъ распрей.

Когда зажглись рождественскія звѣзды, — сколько сердецъ на обширной Руси и во всемъ мірѣ содрогнулось отъ тоски и печали по далекимъ и близкимъ,— по братьямъ, по сыновьямъ, по нашимъ роднымъ солдатамъ, которые въ стужѣ и холодѣ, оторванные отъ своихъ, въ этотъ великій вечеръ встрѣчали въ окопахъ, въ траншеяхъ, быть-можетъ, въ штыковыхъ атакахъ, подъ визгъ гранатъ и грохотъ орудійной пальбы—самый мирный и сказочный праздникъ, какой только имѣется на землѣ.

„Вотъ оно благоволеніе въ человѣцѣхъ, вотъ онъ миръ на землѣ",— могли подумать многіе, и видимый контрастъ между небесной правдой и земнымъ моремъ ужасовъ какъ будто оправдывалъ эту малодушную мысль. У насъ и вообще склонны поражаться контрастомъ между мирной вѣрой нашей и воинственнымъ нашимъ одушевленіемъ, а въ этотъ вечеръ удивленіе, тоска, страхъ за наше духовное состояніе должны были стать какъ будто совсѣмъ законными и нормальными.

Но это только „какъ будто“, только „видимо“, только по внѣшнему и малодушному сужденію.

Я думаю, что за много-много десятилѣтій мы не встрѣчали Рождества болѣе достойно, болѣе свято, въ болѣе высокомъ настроеніи, чѣмъ въ настоящее время, и, можетъ-быть, никогда, несмотря на всѣ ужасы войны, душѣ нашей, всему народному нашему существу, не были ближе слова: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“.

Между Божьимъ миромъ и миромъ человѣческимъ есть настоящій антиномизмъ. Мы говоримъ: миръ, когда мы торгуемъ, посягаемъ, обманываемъ, когда одни задыхаются отъ работы на другихъ, когда цивилизованыя націи медленно сживаютъ со свѣту стариннѣйшія дикія племена, когда все въ человѣчествѣ раздѣлено на партіи, группы, мнѣнія, классы, организаціи, кружки, и всѣ враждуютъ противъ всѣхъ, борясь самымъ грубымъ и безцеремоннымъ образомъ за „мѣста подъ солнцемъ“, за власть, за преобладаніе, за сытость, за высокія идеи. И надъ всѣми борющимися, надъ побѣдителями и побѣжденными, ходитъ смерть и коситъ ровными, неумолимыми и непрерывными рядами человѣческую жатву. И это называютъ миромъ!

Миръ же Божій есть категорія внутренняя и абсолютная. Онъ идетъ своими путями, иногда совпадая съ миромъ человѣческимъ, иногда расходясь съ нимъ до величайшаго контраста и отрицанія. Миръ Божій можетъ расцвѣтать въ величайшихъ потрясеніяхъ и катастрофахъ и вянуть, блекнуть, падать во времена человѣчески-мирныя и „благорастворенныя“. Какъ кровавы, какъ неспокойны были столѣтія, когда христіанъ предавали всякимъ мучительствамъ! И станетъ ли кто-нибудь отрицать, что именно въ эти столѣтія цвѣты

Божьяго мира съ особою силою расцвѣтали на землѣ,—съ такой силой, что римскія катакомбы до сихъ поръ хранятъ въ своемъ мракѣ ихъ чудесное, исключительное благоуханіе? Сковорода всю жизнь, остервеняясь, странствовалъ, гонимый душевными бурями, по лѣсамъ и полямъ, и въ этихъ видимыхъ бросаніяхъ съ одного мѣста на другое невидимо росъ и укрѣплялся въ немъ миръ душевный, миръ Божій.

Но этотъ безусловный миръ расходится не только со спокойными формами жизни. Въ себѣ самомъ онъ несетъ побѣду надъ смертью и, отмѣняя ее, вырывая внутреннее жало ея, порождаетъ совсѣмъ особое отношеніе къ смерти. Страшна становится смерть духовная, которая особенно процвѣтаетъ въ „мирныя времена“ и совсѣмъ не страшна смерть физическая, которой такъ много въ военныя и бурныя времена. И вотъ то, что является „миромъ“ по доксѣ человѣческой, онтологически становится гибелью, смертью, враждой; то же, что люди малодушно признаютъ за ужасы и потрясенія, съ религіозной точки зрѣнія превращается въ небесную тишину и лазурь.

О, конечно, не всѣ войны и потрясенія служатъ дѣлу Божьяго мира! Много, слишкомъ много войнъ были сгущеніями ненужной вражды и манифестаціями непросвѣтленныхъ, стихійныхъ силъ. Но вѣдь мы говоримъ не о войнахъ вообще. Мы говоримъ о теперешнемъ Рождествѣ, о томъ, которое со вчерашняго вечера осѣнило Востокъ. Эта война имѣетъ величайшій духовный смыслъ, и ея цѣлительную силу мы испытали въ полной мѣрѣ. Уже первые дни ея принесли чудесное, немыслимое въ мирныя времена,—освобожденіе отъ водки. И вотъ завоеванія настоящаго мира: во всѣ другія Рождества стоялъ пьяный гулъ, и сколько отвратительныхъ сценъ разыгрывалось на

всемъ пространствѣ нашей родной земли! Теперь же война, цѣлительнымъ подъемомъ чувства снесла и этотъ безобразный гулъ и тяжелыя сцены. Война вызвала въ насъ торжественное примиреніе съ братомъ—съ обиженной нѣкогда Польшей. И это Рождество мы встрѣчаемъ, облегченные сброшенною тяжестью, съ настоящею побѣдою надъ духомъ вражды и обиды.

Наша народная совѣсть уже давно не была такъ чиста, какъ въ настоящую войну. Мы не боремся за себя, за свое матеріальное бытіе. Мы ничего не искали въ этой войнѣ. Мы вовлечены въ нее Божьимъ Промысломъ, и для насъ эта война прежде всего жертвенный подвигъ, вольно и безропотно принятый на себя всѣмъ народомъ. Тамъ, въ окопахъ, творится настоящее таинство нашей исторіи и свершаются величайшія напряженія нашей народной воли. Или въ мирныя времена мы никуда не годимся и не смѣемъ говорить ни о какомъ „мирѣ на землѣ“, или сейчасъ, въ священной борьбѣ, мы свершаемъ величайшее завоеваніе Божьяго мира и жертвенной кровью многострадальнаго нашего воинства мы обрѣтаемъ небывалое, не пережитое еще нами „благоволеніе въ человѣцѣхъ“.

Антиномія Божьяго и человѣческаго мира никогда, кажется, не воплощалась въ исторіи съ такой остротой и въ такихъ масштабахъ. Но вѣдь рождественское благовѣстіе пастухамъ говоритъ о мирѣ Божьемъ, а не человѣческомъ и о благоволеніи внутреннемъ, а не внѣшнемъ. Поэтому мы можемъ съ радостью думать, что въ прошлыя „мирныя“ времена мы были безконечно дальше отъ этого благовѣстія, чѣмъ въ настоящія времена смятенія и борьбы народовъ, и что вотъ, наконецъ, наступило Рождество, когда мы приблизились, какъ никогда, къ настоящему, внутреннему

Божьему миру. И пусть малодушные сомнѣваются и удивляются, мы же, чувствуя себя въ живой цѣпи народнаго чувства и священнаго народнаго дѣла, посреди всѣхъ испытаній и ужасовъ, съ удвоеной вѣрой скажемъ:

„Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“.

ОБЩЕЕ ДѢЛО.

I.

Сейчасъ у насъ настаетъ трудное время. Въ началѣ войны по всей Россіи прокатилась волна мощнаго возбужденія. Даже слабые и сомнѣвающіеся, высоко приподнятые небывалымъ приливомъ народнаго самосознанія, кричали сильныя слова и готовы были „пророчествовать“. Теперь волна схлынула, и вотъ тѣ, кто не жили своею силою и своею вѣрою, прямо съ гребня хлюпнулись въ ямы и, потерявъ „начало движенія“, стали роптать, сомнѣваться, съ жадностью подхватывать вздорные слухи и всѣми правдами и неправдами „разводить“ тягостный, душный, предательскій пессимизмъ.

Мы не думаемъ, чтобы волна высокаго одушевленія и подъема, которая для всѣхъ захваченныхъ ею дала совсѣмъ особое и новое чувство Россіи, схлынула въ какое-то небытіе. Волна схлынула туда, откуда пришла, т.-е. въ неизслѣдимое море народнаго чувства и народнаго глубиннаго бытія. Это море какъ было, такъ и осталось бездоннымъ, неисчерпаемымъ, таинственнымъ, безпредѣльно-могучимъ. Одушевленіе по какому-то высшему біологическому закону направилось въ тѣ органы народнаго организма, въ коихъ сосредоточилось все будущее Россіи, т.-е. въ воинство

наше, въ рукахъ котораго чудеснымъ сплетеніемъ судьбы очутились наша національная жизнь и наша національная смерть. Произошелъ несомнѣнный отливъ энтузіазма и только тайнымъ передвиженіемъ всѣхъ энергій народной воли можно объяснить нечеловѣческое напряженіе, нечеловѣческую выносливость и нечеловѣческое мужество нашихъ сѣрыхъ богатырей.

Наша народная воля — тамъ, на поляхъ сраженія; это очевидно и несомнѣнно: она гигантскими буквами пишетъ въ исторіи героическій и трагическій эпосъ, передъ которымъ давнія были Гомера кажутся почти дѣтской игрой и забавой. И это отрадное и мудрое сосредоточеніе всѣхъ энергій народа въ томъ пунктѣ, гдѣ онѣ въ данный моментъ болѣе всего нужны,— своимъ фатальнымъ и тяжелымъ коррелятомъ имѣетъ оскудѣніе энтузіазма въ тылу, паденіе духа и увѣренности въ тѣхъ, кто остался у своихъ очаговъ, въ спокойныхъ условіяхъ мирной жизни.

II.

Свершается поистинѣ нѣчто странное и парадоксальное. Въ то время какъ матеріально Россія питаетъ и всячески поддерживаетъ армію, принимаетъ раненыхъ, дѣлаетъ безконечные сборы на нужды войны, устраиваетъ семьи ушедшихъ, посылаетъ все новые и новые поѣзда снарядовъ и резервовъ, — въ это время духовно Россія сама питается арміей, поддерживается ея непоколебимою вѣрою, ея сосредоточеннымъ спокойствіемъ или, говоря проще, ея героизмомъ: по крайней мѣрѣ, это относится къ образованнымъ, читающимъ и разсуждающимъ, интеллигентнымъ и полуинтеллигентнымъ классамъ.

Выходитъ, такимъ образомъ, что на плечи арміи возлагаются вмѣсто одной двѣ тяжелѣйшихъ задачи: она должна бороться и насъ ободрять. Она должна жертвенной гибелью многихъ тысячъ своихъ славныхъ сыновъ спасать насъ и дѣтей нашихъ отъ ужасовъ германскаго завоеванія и въ то же время пылать не только воинскимъ, специфически боевымъ одушевленіемъ, относящимся, такъ сказать, къ стратегической обстановкѣ войны, но еще быть духовной опорой россійскаго „существованія“ и обывательства, скалой, сокрушающей утомительно непрерывную „зыбь и рябь“ съ тылу идущаго скептицизма.

Врядъ ли кто-нибудь станетъ настаивать, что такое положеніе нормально. Конечно, двойная страда украшаетъ двойной славой нашу армію. Кромѣ героизма военнаго, она стяжаетъ нетлѣнные вѣнцы героизма духовнаго. Но это врядъ ли дѣлаетъ честь оставшимся, врядъ ли украшаетъ страну, какъ бы выславшую изъ себя все героическое и духовно черезъ это „обнищавшую“. Больше того: такое положеніе таитъ въ себѣ величайшую опасность и ставитъ подъ рискъ все достигнутое, всѣ высшія цѣли войны.

Раненые солдаты и офицеры въ одинъ голосъ говорятъ, что при всѣхъ испытаніяхъ и лишеніяхъ, которымъ они подвергаются, больше всего ихъ поддерживаетъ то, что за собой они чувствуютъ свой народъ. Малѣйшій знакъ вниманія, коробка папиросъ или теплыя рукавицы, пришедшія отъ „своихъ“, переживаются ими, какъ великая радость только потому, что они особенно жадны къ каждой невидимой, эѳирной ниточкѣ, которая тянется къ нимъ изъ далекой родины. Въ этихъ „ниточкахъ“ у нихъ есть страстная и совершенно духовная потребность. Участники япон-

ской войны отмѣчаютъ, что настоящая война радикально отлична отъ той войны прежде всего тѣмъ, что тогда за ними разстилалась чудовищная пустота, почти полный отрывъ отъ „эѳирнаго тѣла“ Россіи, теперь же воюетъ Россія, а не полки и дивизіи, и каждый солдатъ себя чувствуетъ частичкой гигантскаго общаго дѣла, не отвлеченно-военнаго дѣла, но и дѣла всероссійскаго и даже всечеловѣческаго. И не въ разстояніяхъ тутъ дѣло,—не въ томъ, что теперь война ведется близко, подъ бокомъ. Сибирскіе полки, принимавшіе участіе въ сарыкамышской побѣдѣ, едва ли не дальше брошены отъ мѣста своихъ стоянокъ, чѣмъ когда они сражались въ Манчжуріи.

„Ниточки“ важны не какъ пути сообщенія въ буквальномъ смыслѣ слова, не какъ то, что физически сокращаетъ пространство, а какъ средство общенія, какъ то, что духовно единитъ съ невидимой, оставленной позади родиной.

III.

Говоря объ опасности, я вовсе не хочу сказать, что нитей, бѣгущихъ отъ оставшихся къ ушедшимъ на бранную страду, мало. Къ счастью, ихъ очень много. Армія и Россія — единое тѣло и единый организмъ. Но эти нити, связующія и объединяющія, относятся къ опредѣленнымъ порядкамъ. Въ отношеніи къ арміи у насъ много самыхъ лучшихъ чувствъ: жалости, сочувствія, опасеній, боязни, восторга—все переживанія, въ которыхъ мы являемся исключительно воспринимающей стороной. Они даютъ, а мы принимаемъ. Они дѣйствуютъ, а мы слѣдимъ за ними взволнованнымъ чувствомъ. Мы всячески стараемся обставить ихъ матеріально, но все, что мы дѣлаемъ

для нихъ, сводится лишь къ улучшенію тѣхъ условій и той обстановки, въ которыхъ они дѣйствуютъ, а отнюдь не къ самому дѣйствію ихъ, въ которомъ никакого участія мы не принимаемъ. Они побѣждаютъ,—мы восторгаемся; они терпятъ частичныя неудачи—мы падаемъ духомъ. Но само дѣйствіе есть всецѣлое дѣло ихъ, и тутъ они помощи отъ насъ никакой не имѣютъ.

Между тѣмъ мы могли бы быть настоящими участниками ихъ подвига, и не вступая въ ряды ихъ. Вѣдь кромѣ активности внѣшней, есть активность внутренняя. Она не видна для глаза, но она столь же дѣйствительна, какъ и активность внѣшняя. Мы должны внутренно войти въ дѣло ихъ и, кромѣ нитей сочувствія и страданія, протянутъ массу эѳирныхъ нитей, по которымъ вливались бы въ нихъ наша рѣшимость, наша безповоротное рѣшеніе, либо сдѣлать все дѣло до конца, либо совсѣмъ перестать существовать. Мнѣ кажется, что въ глубинахъ своихъ народъ такъ и относится къ этой войнѣ. Я слышалъ, какъ одинъ старикъ говорилъ: „Войско побьютъ, мы сами встанемъ, а тому, что нѣмецъ задумалъ, быть не допустимъ“. Армія должна чувствовать, что за ея спиною сосредоточены безпредѣльныя количества потенціальной энергіи, каждую минуту готовой перейти въ „кинетическое“ состояніе. Тогда она будетъ чувствовать себя не единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а лишь первыми рядами, за которыми въ нужную минуту можетъ встать весь народъ.

Это относится не къ цифрѣ резервовъ, которые мы можемъ выставить, а къ качеству самого дѣла. Армія должна чувствовать за собой не только милліоны возможныхъ воиновъ, не только огромное, подавляющее число ихъ, но и внутреннюю безпредѣль-

ность народнаго рѣшенія, его авторитетное единодушіе и цѣлостность.

Въ платоновскомъ „Пиршествѣ“ Алкивіадъ разсказываетъ, что въ одной битвѣ, когда греки были разбиты и имъ пришлось спѣшно отступать, Сократъ выказалъ необыкновенное присутствіе духа. Въ то время, какъ товарищи его бѣжали и въ растерянности были настигаемы и поражаемы врагами, Сократъ медленно и спокойно шелъ, но съ такимъ грознымъ видомъ и съ такой рѣшимостью дорого продать свою жизнь, что никто изъ преслѣдующихъ не осмѣливался къ нему приблизиться, а свои, смотря на него, оправлялись отъ страха и вновь становились грозными для враговъ. Вотъ великолѣпный примѣръ того, что можетъ сдѣлать одна внутренняя рѣшимость! Сократъ не размахивалъ мечомъ, не бросался самъ на преслѣдующихъ, но зато потенціалъ неожиданныхъ воинственныхъ дѣйствій въ немъ былъ столь великъ и столь краснорѣчивъ, что его молчаливое спокойствіе и сосредоточенная воля безъ всякихъ внѣшнихъ движеній съ его стороны заставляли даже разгоряченныхъ враговъ избѣгать приближенія къ нему.

Говорятъ, что Вильгельмъ цинично сказалъ, что нервы у нѣмцевъ крѣпче и лучше, чѣмъ у русскихъ, и потому побѣдятъ нѣмцы. Нельзя отрицать, что нѣмцы весь XIX вѣкъ съ великимъ усердіемъ изучали „нервы“, и по этой части они—великіе знатоки. Но за нервами они проглядѣли душу. Внутренняя рѣшимость есть дѣло души, а когда душа народа безповоротно и твердо рѣшитъ быть готовой каждую минуту перевести въ актуальное состояніе безконечные запасы своихъ скрытыхъ энергій, тогда, конечно, никакіе нѣмецкіе нервы не выдержатъ, ибо поистинѣ невыносимо

зрѣлище 170-милліоннаго народа, который съ сократическимъ спокойствіемъ и упорствомъ рѣшилъ двигаться туда, куда велитъ двигаться исторія, и дѣлать дѣло, возложенное на него Провидѣніемъ.

IV.

Мы должны понять, наконецъ, что въ величайшихъ событіяхъ нашего времени никто не долженъ, не смѣетъ считать себя частнымъ человѣкомъ. Больше чѣмъ когда-нибудь становятся дѣйствительными слова Евангелія: „Кто не за насъ, тотъ противъ насъ; кто не собираетъ, тотъ расточаетъ“. Мы отвѣтственны не только за наши поступки и за наши слова, но и за наши настроенія. Жадно схватывать непровѣренные слухи, раздувать заминки и неудачи, преуменьшать флегмой или сомнѣніемъ огромные успѣхи, вообще суетиться, сплетничать, наговаривать вокругъ міровыхъ событій, — это значитъ вовсе не оставаться въ сторонѣ („я-то тутъ не при чемъ“, „что слышалъ, то и передаю“, „да вѣдь я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ“), а самымъ реальнымъ образомъ участвовать въ событіяхъ, но только не въ положительномъ, а въ отрицательномъ смыслѣ, т.-е. помогая силамъ враждебнымъ и предавая дѣло свое. Мы безъ конца восторгаемся и гордимся свѣтлымъ героизмомъ нашего воинства и все же думаемъ, что сталь духа, несокрушимая энергія вѣры въ свое историческое призваніе и въ правоту и провиденціальность своего дѣла должны коваться не на поляхъ сраженія (или по крайней мѣрѣ не только на нихъ), а въ томъ глубинномъ сердцѣ всего нашего народнаго существа, къ которому живымъ образомъ относится сердце каждаго изъ насъ. Иначе намъ грозитъ двойная опасность: внѣшняя и внутренняя.

Внѣшняя—потому, что, не будучи сами активны и „рѣшительны“, мы изолируемъ духовно армію и тѣмъ ослабляемъ ее въ борьбѣ, изъ которой она можетъ выйти побѣдительницей лишь послѣ величайшихъ испытаній; внутренняя — потому, что послѣ войны намъ предстоитъ и свое собственное сложное устроеніе и отвѣтственное участіе въ міровомъ строительствѣ. Если мы будемъ сейчасъ итти на буксирѣ у военныхъ событій, потерявъ всякое участіе въ нихъ, влекомые ихъ фатальнымъ нагроможденіемъ, если мы будемъ созерцателями, а не созидателями первыхъ звеньевъ въ огромной цѣпи свершеній, которую открываетъ теперешняя война, то, конечно, мы будемъ откинуты властнымъ потокомъ грядущихъ событій, какъ „рабы ничего не стоющіе“, и слава великихъ дѣлъ пройдетъ мимо насъ.

НЕНУЖНЫЯ РЫДАНІЯ.

I.

Еще не кончилась великая галиційская битва, еще подъ Люблиномъ шелъ ужасающій бой, когда нѣкоторыя части русскаго общества вдругъ забезпокоились о судьбахъ германской культуры. На страницахъ „Русскихъ Вѣдомостей“ началась робкая защита нѣмецкихъ „культурныхъ цѣнностей“ отъ какихъ-то неясно сформулированныхъ опасностей, а затѣмъ благородное печалованіе, какъ занятіе легкое и не требующее предварительной подготовки, стало излюбленнымъ лозунгомъ многихъ бесѣдъ, обсужденій, статеекъ и фельетончиковъ. Кого мы только не видѣли въ наставительной роли менторовъ, разъяренно и запретительно встрѣчавшихъ каждую попытку критически разобраться въ потрясающемъ выступленіи германизма! Тѣ, кому Лютеръ „Гекубой“ былъ, а сочиненія Канта знакомы были по методу „гусиныхъ лапокъ“ („мой дядя видалъ, какъ ихъ баринъ ѣдалъ“), отъ критики и анализа волновались и—увы!—ругались больше всего.

Печальники германской культуры, во всеуслышаніе творившіе надъ нею плачъ и рыданія, старались задрапироваться въ самыя благородныя и почти что не-человѣчески возвышенныя чувства. Если бы не лексиконъ бранныхъ словъ, сыпавшійся съ ихъ возвышен-

ныхъ позицій на головы тѣхъ, кто осмѣливался думать такъ, какъ требовала логика и факты, я бы готовъ былъ просто умиляться этой чисто россійской картинѣ маниловскаго добродушія и маниловскихъ всеобщихъ, универсальныхъ объятій.

Но вѣдь все-таки жизнь трезва и серьезна, и хотя Маниловымъ не до логики, все же нужно разгонять ихъ даже самые возвышенные туманы, ибо обыкновенное свойство такихъ тумановъ—скрывать и прятать отъ бѣдныхъ жителей земли солнечныя вершины подлинныхъ горныхъ громадъ.

Въ стенаніяхъ надъ германской культурой при всемъ желаніи нельзя отыскать ni rime ni raison:—„риѳмы“ потому, что во всей обстановкѣ русской жизни и въ характерѣ нашего воинства нѣтъ и слѣда какихъ-нибудь сокрушительныхъ тенденцій, „смысла“,—потому, что подлинная культура неуничтожима и сама въ себѣ таитъ силу безсмертія и торжества надъ потокомъ событій и даже самыхъ катастрофическихъ столкновеній.

Конечно, при столкновеніи народовъ неизбѣжно кое-что гибнетъ и разрушается. Но если бы россійскіе плакальщики слезы свои лили вообще обо всей культурѣ, а не въ частности лишь о нѣмецкой, то они должны были первыя „заплачки“ свои начинать съ дѣйствительныхъ нѣмецкихъ звѣрствъ надъ лувенской библіотекой и надъ реймскимъ соборомъ, а не съ возможныхъ и лишь чаемыхъ ими „русскихъ“, посягательствъ на нѣмецкую культуру. И даже первые и самые обильные ручьи слезъ они должны были бы пускать о совершенно безспорномъ и безпримѣрномъ внутреннемъ паденіи нѣмецкаго народа, о внутреннемъ его одичаніи, а не о тѣхъ внѣшнихъ разрушеніяхъ, къ которымъ одичаніе это привело.

Nenia россійскихъ hoch-почитателей нѣмецкой культуры объясняются лишь установившимися навыками апріорно, напередъ презирать всякое русское дѣло, щедрымъ авансомъ обливать подозрительнымъ недовѣріемъ всякое русское начинаніе. Ибо въ типѣ людей, о которыхъ я говорю, какъ у Януса, два лика. Къ западу они повернуты Маниловыми, къ Россіи—безцеремонными Собакевичами. Логически же θρῆνος ихъ никакъ оправданъ быть не можетъ.

II.

Прежде всего всѣ извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій дружно говорятъ намъ о томъ, что русское воинство съ поразительной бережностью относится къ памятникамъ и монументамъ, которые имъ встрѣчаются. Гдѣ было возможно, въ историческихъ замкахъ польскихъ была разставлена стража для охраны ихъ отъ мѣстныхъ грабителей, а не отъ проходящихъ русскихъ войскъ. Даже костелы, съ которыхъ производился пулеметный обстрѣлъ, большей частью щадились русской артиллеріей. Если Господь сподобитъ насъ войти вглубь Германіи и въ одинъ прекрасный день очутиться unter den Linden, я убѣжденъ, что не только Пергамскій музей или полотна Боттичели будутъ охраняться нашими сѣрыми шинелями отъ случайныхъ настроеній берлинской толпы, но даже минаретъ пошлости, Siegessäule, будетъ чувствовать себя въ величайшей безопасности среди моря русскихъ солдатъ, и два ряда макулатурныхъ прусскихъ кумировъ, приведшихъ Германію по Sieges-Allée къ современному краху гордой имперіи, будутъ безмятежно слушать веселыя пѣсни драгунъ и казаковъ. И это не потому

только, что будетъ отданъ такой приказъ, а по внутреннему нерасположенію русскаго человѣка къ безсмысленнымъ „сокрушеніямъ“. Одинъ опытный офицеръ, участникъ августовскихъ боевъ, очень вѣско сказалъ на тему о русскомъ солдатѣ: „Если бы я даже приказалъ стрѣлять въ мирныхъ жителей, мои солдаты меня бы не послушали!“...

Итакъ, какая же опасность угрожаетъ нѣмецкой культурѣ? Если оставить въ сторонѣ матеріальные памятники и перейти къ ея книжнымъ богатствамъ, то тутъ лживыя опасенія россійскихъ плакальщиковъ окажутся еще менѣе умѣстными. Вы опасаетесь за Шиллера, Гёте, Гегеля, Ницше и проч. и проч. и проч.,— въ какомъ смыслѣ? Все написанное ими остается въ абсолютной неприкосновенности не только въ книгохранилищахъ Германіи, но и во всѣхъ русскихъ библіотекахъ, казенныхъ, общественныхъ, университетскихъ, городскихъ, частныхъ. Матеріальный доступъ къ нимъ остается безусловно свободнымъ для всѣхъ и каждаго. Никакихъ ограниченій, никакихъ препятствій, никакихъ посягательствъ на нихъ не только не предвидится, но и не можетъ предвидѣться. Это такъ ясно, что спору объ этомъ не можетъ-быть.

Въ чемъ же дѣло? Unde irae, unde invectiva perpetua?

Единственная угроза, дѣйствительно висящая надъ тѣмъ слитнымъ явленіемъ, которое называется германской культурой, — это угроза всесторонняго духовнаго пересмотра. Но страхъ передъ этой угрозою есть страхъ совершенно бѣсовскій, низкій и недостойный, и внутреннее его неблагородство и внѣшнюю его „заинтересованность“ при всякомъ удобномъ случаѣ необходимо выставлять во всей неприглядности и наготѣ.

III.

Въ нѣмецкой культурѣ за послѣднія десятилѣтія подчеркнулась одна особенность: ея экспортъ въ различныя страны пересталъ быть естественнымъ и сталъ форсированнымъ, т.-е. искусственно вздутымъ путемъ системы особаго тонкаго протекціонизма. Усвоеніе благъ нѣмецкой культуры — въ совершенномъ параллелизмѣ съ усвоеніемъ благъ нѣмецкой промышленности — изъ добровольнаго, основаннаго на вольной волѣ и охотѣ усваивающихъ, превратилось въ нѣчто принудительное и насильственное. Если въ торговлѣ нѣмецкую фабричную дрянь впередъ продвигалъ вызывающе бряцавшій мечъ Гогенцоллерновъ, то форсированныя порціи нѣмецкой культуры и притомъ самой новѣйшей и часто низкопробной марки заставляли поглощать сосѣднія страны, — и въ особенности Россію, — искусная машина нѣмецкихъ университетовъ и ловкія культурно-промышленныя организаціи, открывавшія филіальныя отдѣленія по нашимъ весямъ и городамъ. Прошедшіе нѣмецкую муштру насильно впихивали намъ въ ротъ „Кассиреровъ“ и каждое новое прозрѣніе какой-нибудь провинціальной нѣмецкой знаменитости, а русскіе „филіалы“ нѣмецкихъ фирмъ заставляли за большія деньги подписываться на роскошные томы акціонерныхъ изданій, въ коихъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ унижались Россія и прочія страны и восхвалялась Германія съ Австріей [1]).

Это нарушеніе свободнаго отношенія къ нѣмецкой культурѣ грозило намъ неисчислимыми бѣдствіями, отъ которыхъ, къ счастью, избавила насъ война. Здо-

[1]) Яркій примѣръ: 8-томная „Исторія человѣчества“ Гельмонта.

ровый народъ чужую культуру можетъ усваивать лишь свободно, по собственному почину и выбору, безъ комиссіонерскихъ указаній и настаиваній со стороны заинтересованныхъ фирмъ и лицъ. Это—совершенная аксіома; и то, что мы силою вещей, какъ бы вернулись къ нѣкоему исходному пункту, вновь обрѣтя свободу и право любить и признавать въ нѣмецкой культурѣ лишь то, что въ ней достойно любви и признанія, и отвергать то, что намъ вовсе не нужно и что намъ усиленно всѣми правдами и неправдами навязываютъ ея многочисленные коммивояжеры,—русскіе или нѣмецкіе—все равно,—это должно быть великой радостью для всѣхъ живущихъ въ свободѣ и духѣ и гнушающихся даже ловко замаскированнаго принужденія и насилія. Если находятся люди, которые радость эту хотятъ отнять и исподволь подготовить насъ къ новымъ духовнымъ насиліямъ послѣ войны, то мы съ этимъ должны бороться самымъ энергичнымъ образомъ и указать на два обстоятельства, чрезвычайно важныхъ.

IV.

Во-первыхъ, люди, даже съ видимымъ безкорыстіемъ работающіе pour le roi de Prusse, на самомъ дѣлѣ являются глубоко заинтересованными въ своей работѣ. Не зная ничего, кромѣ нѣмецкой культуры, ухлопавъ на нее всѣ свои силы и все свое время,—они не могутъ отказаться отъ своихъ занятій и отъ соотвѣтствующихъ формъ дѣятельности не только во имя принципа или идеи, а и во имя грубой, чисто житейской необходимости. Они заинтересованы въ возстановленіи форсированнаго и насильственнаго экспорта нѣмецкой культуры въ нашу страну совершенно на-

подобіе того, какъ заинтересованъ въ возстановленіи винной монополіи многочисленный штатъ служащихъ, оставшихся безъ мѣста послѣ всероссійской отмѣны форсированнаго потребленія водки. Какое бы участіе ни возбуждали въ насъ личныя судьбы всѣхъ пострадавшихъ отъ войны, все же національное здоровье, духовное и физическое, должно занимать безусловно первое мѣсто, и всѣмъ участникамъ форсированнаго, насильственнаго и непрошеннаго культуртрегерства мы можемъ дать совѣтъ пріискать на обширной нивѣ свободнаго и вселенскаго дѣла, въ которое вступила уже Россія, болѣе подходящія занятія.

Во-вторыхъ, форсировка губитъ и отравляетъ не только духовную жизнь Россіи, но и разрушаетъ самую драгоцѣнную и чистую сердцевину нѣмецкой культуры. Русскаго колосса не очень-то легко „провести" до конца. Но упрямой и принудительной подачей второсортныхъ и третьесортныхъ фабрикатовъ въ немъ можно вызвать невольную и глубоко нежелательную реакцію противъ истинныхъ сокровищъ нѣмецкаго духа. Если насъ будутъ ловкіе экспортеры черезъ двери, окна, потолки и полы преслѣдовать музыкой Рихарда Штрауса, мы можемъ на время потерять охоту слушать Баха или Моцарта. Пронзительный торгъ синкретизмомъ Древса, подающаго съ приправами „философію тожества", можетъ отбить желаніе на цѣлые мѣсяцы читать самого великаго Шеллинга. Ввозимыя же къ намъ многочисленныя фальсификаціи нѣмецкихъ ученыхъ въ антропологіи, исторіи (особенно русской) и другихъ наукахъ, насытивши насъ, должны неизбѣжно вызвать величайшее недовѣріе и къ подлинно безкорыстнымъ нѣмецкимъ изслѣдованіямъ.

V.

Война спасительнымъ вихремъ снесла чрезвычайно много нежелательнаго въ нашемъ отношеніи къ Германіи. Какъ бы ни распинались hoch-почитатели нѣмецкой культуры, какъ бы ни плакали они въ сострадательные жилеты почтенныхъ маниловскихъ газетъ,— прошлыя принужденія и насилія нѣмецкаго культурнаго экспорта, Богъ дастъ, не будутъ возвращены. Все глубокое въ русскомъ обществѣ почувствовало потребность безпристрастно пересмотрѣть всю совокупность германской культуры и, воспользовавшись огромнымъ свѣтомъ этой войны, переоцѣнить и переиспытать многое изъ того, что раньше нами легкомысленно принималось на вѣру и даже почти по гипнозу. Что много нѣмецкой мишуры и нѣмецкаго фальсификаторства горитъ въ огненномъ испытаніи мірового потрясенія,—это совершенно несомнѣнно. Участвуя въ этомъ великомъ зрѣлищѣ, мы можемъ только благословлять языки Божьяго пламени, которые яростно лижутъ и испепеляютъ бумажные кумиры германскаго производства. Подлинное же золото германскаго духа, конечно, въ испытаніи огненномъ только очистится и обновится, и если наши россійскіе плакальщики, теряющіе въ германскомъ пожарѣ всѣ свои бумажныя состоянія, имѣютъ въ виду, кромѣ своихъ бумагъ, и это чистое золото, они могутъ успокоиться: русскій народъ слишкомъ всечеловѣченъ по глубочайшимъ устремленіямъ своего духа, чтобы пренебречь слитками чистаго золота всечеловѣчности, сіяющей на вершинахъ германской культуры.

Это нѣмцы учили насъ исключительности. Наши же цѣли—вселенскія.

ЧТО ТАКОЕ ФОРСИРОВКА?

I.

Что такое форсировка нѣмецкой культуры? Если мы разберемся въ этомъ явленіи, мы придемъ къ любопытнымъ выводамъ.

Въ нѣмецкой культурѣ мы видимъ двойную форсировку: внутреннюю и внѣшнюю. Внутренняя форсировка заключается въ томъ, что, питая мечты о всемірномъ владычествѣ и въ то же время находясь посреди культурныхъ націй, которыя быстрымъ темпомъ „прогрессируютъ“ и развиваются, Германія принуждена проникаться особымъ лозунгомъ: не только не отставать отъ сосѣдей, но и во что бы то ни стало ихъ обгонять. Какъ говоритъ остроумно Вяч. Ивановъ, нѣмцы надъ всѣмъ европейскимъ хотѣли бы поставить марку: über. Въ этомъ напряженіи, напряженіи до надрыва, есть глубокая внутренняя опасность. Нѣмцы какъ бы забыли, что въ высшихъ областяхъ жизни духа работа и напряженіе человѣческой воли есть только одно изъ условій созиданія, что безъ вдохновенія, безъ озаренія, безъ даровъ свыше, безъ геніальности, совершенно невозможно производить подлинныя *κτήματα εἰς ἀεί*.

Есть дарованія, которыя появляются разъ въ столѣтія. Есть геніи, которые приходятъ на землю однажды въ тысячелѣтія. Вы можете сколько угодно напрягать

человѣческую волю, тужиться и потѣть, и все же вы не напишете хорошаго стихотворенія, если вы не поэтъ. Форсируйте сколько угодно мелкія поэтическія дарованія, и все же раздуть ихъ до размѣровъ Гёте или Шиллера, а тѣмъ болѣе Данта или Платона невозможно, не мыслимо. Есть же внутренній предѣлъ работѣ и „вымогательству". Современные нѣмцы совершенно забыли, что Достоевскаго или Чехова такъ же не выдумаешь, такъ же не высосешь изъ пальца, какъ въ Гамбургѣ не сдѣлаешь луны. Вершины національныхъ культуръ находятся въ сферѣ благодатной свободы, ибо духъ, истинный духъ, въ коемъ подлинно новыя откровенія, дышетъ, гдѣ хочетъ, и машиной, организаціей, университетами, учеными обществами его нельзя „вынудить", нельзя захватить насильственно. То, что *есть* въ смыслѣ подлинной геніальности въ націи,—то и *есть*; нельзя сдѣлать такъ, чтобы истинно сущаго не было, но нельзя сдѣлать, смастерить истинно сущее изъ какихъ-нибудь суррогатовъ.

Никакая форсировка не можетъ повысить уровень *геніальности* въ націи. Я даже думаю, что обратно: форсировка неизбѣжно влечетъ пониженіе и паденіе, ибо геніальность — свобода, форсировка же — не свобода. Въ нѣмецкой культурѣ XIX вѣка мы замѣчаемъ укорененіе любопытнаго *сальеризма*. Когда живой потокъ творчества изсякаетъ и начинаетъ бить въ другихъ странахъ, Германія въ нервическомъ возбужденіи не хочетъ признать совершившагося факта, не хочетъ благоговѣйно склониться передъ явленіемъ генія въ чужомъ народѣ. Снѣдаемая отсутствіемъ высшаго безкорыстія, она напрягается изо всѣхъ силъ, чтобы создавать суррогаты геніальности, шумомъ „работы" заглушить духовное превосходство другихъ націй, и, если можно, убить въ нихъ ихъ высшее, что

возникло въ нихъ по Божьему дару, своими машинными, методологическими, вымученными созданіями. Такъ повторяется въ міровыхъ масштабахъ пушкинская исторія Моцарта и Сальери. Когеномъ или Риккертомъ они пытаются убить явленіе Вл. Соловьева, Гауптманомъ заслоняются отъ Достоевскаго, а ничтожнымъ Зудерманомъ — отъ Толстого и Чехова. Нѣмецкій Сальери на все способенъ, кромѣ откровеннаго и сердечнаго признанія, что онъ со своей работой, со своимъ потомъ и напряженіемъ затмевается, внутренно и духовно, первыми геніальными манифестаціями новой, возрастающей силы.

II.

Но какъ ни завистливъ и душевно слѣпъ Сальери, онъ все же не можетъ не чувствовать, что Духа Святого не купишь ни за какую „работу“, что симонія въ духовныхъ планахъ фактически невозможна, и потому внутреннюю форсировку онъ все болѣе и болѣе сочетаетъ съ форсировкой внѣшнею, которая даетъ ему возможность если не господствовать въ самомъ дѣлѣ, то хоть утѣшаться иллюзіей „эоническаго“ первенства и внѣшнимъ образомъ удерживать въ своихъ рукахъ подольше и побольше какія-то общія вожжи въ стремительномъ бѣгѣ европейскаго развитія.

Форсировка внѣшняя есть не что иное, какъ перенесеніе центра тяжести съ качества на количество. Что не удается дѣлать „мытьемъ“, то пытаются наверстать „катаньемъ“. Если нѣмцы не могутъ больше первенствовать въ первоклассныхъ созданіяхъ духа,— и это становится имъ очевидно, — то, чтобы спасти честь Vaterland'a, они, во-первыхъ, окружаютъ самихъ себя китайской стѣною второкласснаго культурнаго

производства и загораживаются ею отъ высшаго питанія своего національнаго духа новыми прозрѣніями и новыми достиженіями своихъ сосѣдей; во-вторыхъ, въ гордомъ порывѣ во что бы то ни стало „учить", подымать другихъ, а не себя, непремѣнно духовно экспортировать, а не импортировать, они закидываютъ изъ-за китайской стѣны всѣ страны свѣта третьесортными, чисто нѣмецкими продукціями, созданными лихорадочнымъ возбужденіемъ больной воли, которая варится въ своемъ собственномъ соку и съ каждымъ десятилѣтіемъ все больше и больше отъединяется отъ міра, все болѣе и болѣе оскудѣваетъ чертами всечеловѣчности и, такъ сказать, внутренно все болѣе и болѣе провинціализируется. И тутъ наблюдается удивительный парадоксъ: въ то время какъ культурное нѣмецкое коммивояжерство захватываетъ всѣ страны свѣта и рейсы всякихъ „Сѣверныхъ Ллойдовъ", говоря символически, покрываютъ густой сѣтью всѣ моря и океаны земного шара, — въ это время внутренно германская культура суживается до какихъ-то невѣроятныхъ мелкихъ размѣровъ и забирается въ истинно нѣмецкія щели, явно лишенныя какого бы то ни было общеловѣческаго значенія.

У насъ въ полуобразованныхъ кругахъ общества, а также среди „ученой" молодежи распространено изумленіе передъ мощной динамикой всесторонняго нѣмецкаго производства. Во многихъ русскихъ душахъ вы чувствуете застывшій испугъ передъ этимъ непрерывнымъ потокомъ книгъ, каталоговъ, изданій, философскихъ „пере-системъ", культурныхъ новинокъ, crawattenhalter'овъ, зажигалокъ, электрическихъ фонарей и всякихъ патентованныхъ средствъ. Вотъ она сфера, гдѣ Н. А. Бердяевъ могъ съ большей удачей изслѣдовать „вѣчно бабье въ русской душѣ". Тутъ

дѣйствительно залежи русскаго рабства, и эти залежи такъ глубоки, что даже война, даже потрясеніе всего міра не можетъ изгладить магическаго испуга передъ германской культурой и закрыть застывшіе въ изумленіи рты русскихъ ея hoch-почитателей.

Подъ феноменологическою оболочкою мнимыхъ богатствъ современная германская культура таитъ великую духовную скудость и нищету. Въ первоклассномъ, въ геніальномъ,—даже въ области культуры, а не въ общей жизни д у х а,—со второй четверти XIX столѣтія Россія рѣшительно начинаетъ преобладать надъ Германіей. Въ Россіи расцвѣтъ литературы и глубочайшей художественной мысли достигаетъ всечеловѣческихъ вершинъ въ Достоевскомъ и Толстомъ. Явленіе Достоевскаго — совершенно н о в о е въ исторіи мірового сознанія, звучащее откровеніемъ для всѣхъ культуръ міра, а не для одной Германіи, — ничего равнаго не находитъ себѣ въ европейской современности. Обильно и геніально зацвѣтаетъ русская музыка, скульптура, живопись, поэзія и философія, съ могучей и первоначальною природностью, въ духѣ и благодати.

Форсированная нѣмецкая культура въ чудесный, и несмотря на всю свою роскошь, молодой садъ русской культуры, врывалась въ послѣднія десятилѣтія передъ войной буйнымъ и насильственнымъ бурьяномъ. У бурьяна могучая „біологичность". Динамика захвата и удушенія въ немъ грандіозна, невѣроятна. И если бы въ исторіи господствовала одна плоть и одна матерія,— судьба русскаго сада и русскаго культурнаго плодоношенія была бы предрѣшена. Черезъ нѣсколько десятилѣтій мы превратились бы въ „навозъ" того обширнаго „скотоводнаго дѣла", которое раскинула бы на всю Европу и Азію Германія. Но Вышній Садовникъ не позволилъ бурьяну заглушить и нѣжные всходы

русской культуры. Очевидно, міру нужны еще новые расцвѣты и благоуханное новое творчество. Зазвенѣли серпы и мотыки, и нѣмецкій бурьянъ сталъ густыми рядами валиться, освобождая насильно захваченную почву.

III.

У каждаго народа есть внутренній ритмъ своей жизни. Всѣ заимствованія и всѣ наученія отъ другихъ національныхъ культуръ идутъ во благо ему, если находятся въ гармоніи съ этимъ ритмомъ, или претворяются имъ. Но какъ только начинается насильственная прививка или форсированный ввозъ, — въ жизни народа обнаруживаются разстройства. Различіе ритмовъ, насильственно соединяемыхъ, вызываетъ мучительные перебои. Эти перебои могутъ приводить къ тяжелой трагедіи. Дѣло Петра Великаго было настоящимъ разрывомъ старо-русскаго ритма жизни. И столѣтіе понадобилось для того, чтобы организмъ русскаго народа выработалъ новыя національныя ткани, которыя и закрыли мѣсто хирургической операціи, произведенной Петромъ. Древніе греки съ великимъ искусствомъ умѣли по-своему ритмизировать все ввозимое къ нимъ. Они мгновенно претворяли въ свое, и орнаментъ, и архитектурную форму, и линію, и мелодію, и музыкальный инструментъ, и болѣзнь культурнаго раздвоенія и перебои оставались имъ почти неизвѣстны.

Если бы рядомъ съ Россіей находилась страна съ органически развивающейся культурою, Россія легко справлялась бы съ культурнымъ ввозомъ изъ этой страны. Высокая духовная культура Германіи XVIII столѣтія и самаго начала XIX столѣтія безъ всякой

форсировки, естественно и свободно проникавшая въ Россію, не могла создать никакого перебоя. Ритмы были разные, но зато и выборъ былъ свободный и творческій, пресуществлявшій получаемое. Баратынскій, восхищаясь Гёте, оставался самостоятельнымъ поэтомъ. Жуковскій, даже переводя Шиллера, сообщилъ ему особую русскую мелодичность. Хомяковъ жадно глоталъ „логику“ Гегеля и въ то же время философствовалъ глубоко по-русски. Какая-то нотка шиллеровскаго паѳоса вошла навѣки въ душу Достоевскаго,—русскаго изъ русскихъ,—и кто же услѣдитъ судьбу этого маленькаго ваушенія въ морѣ его творческихъ идей и созданій?

Форсировка, начавшаяся съ того момента, какъ стало изсякать подлинное творчество въ нѣмецкой культурѣ, совершенно мѣняетъ все дѣло. Она обращается не къ высшимъ представителямъ русской мысли и русскаго художественнаго генія, а къ огромнымъ количествамъ среднихъ русскихъ людей, къ интеллигентнымъ массамъ, которыя неспособны ничего претворять, ибо не одарены творческимъ духомъ. Эти массы совершенно механически поглощали нѣмецкія культурныя внушенія, которыя стали ихъ подстерегать буквально на каждомъ шагу и со всѣхъ сторонъ; раздувались отъ прочитанныхъ нѣмецкихъ книгъ, не перерабатывая ихъ, „фаршировались“ маленькими нѣмецкими идеями и сами въ свою очередь становились автоматоми-передатчиками полученныхъ внушеній, мыслившими не своими мыслями, говорившими не своими словами. Параллельно съ превращеніемъ Россіи въ экономическую колонію Германіи, шелъ crescendo процессъ германизированія всего умственнаго и духовнаго обихода средняго русскаго „просвѣщеннаго“ человѣка. Передъ войною насыщенность „культурными“ внушеніями германизма дошла до предѣла, и тѣ, кто

были болѣе чуткими, чувствовали въ воздухѣ приближеніе страшной грозы.

Русская духовная стихія незамѣтно, постепенно и систематически вытѣснялась изъ всей совокупности русской жизни. Ей приходилось все отступать и отступать, уступать одинъ уголокъ русской жизни за другимъ, и, наконецъ, дѣло дошло до точки. Русской духовной стихіи приходилось выбирать между какимъ-то грандіознымъ отпоромъ и собственною смертью. Перебой двухъ ритмовъ, до полярности не схожихъ, сталъ чудовищнымъ, невыносимымъ. Аккумуляція электричества, сгущеніе грозовыхъ тучъ, готовыхъ разразиться страшнѣйшимъ потрясеніемъ, рождались естественно изъ этого напряженнаго положенія дѣлъ.

Когда Австрія объявила войну Сербіи, въ воздухѣ уже вспыхивали молніи. Достаточно было Германіи обнажить свой мечъ, чтобы всѣ накопившіяся энергіи разразились ураганомъ всероссійскаго подъема, и передъ кровавымъ кайзеромъ встала новая Россія, единая, увѣренная въ своемъ призваніи, съ свѣтлымъ рѣшеніемъ или умереть, или свое дѣло, всеславянское всечеловѣческое отстоять до конца.

Такъ форсировка нѣмецкой культуры, принеся много бѣдствій и униженій Россіи, въ видѣ „кармы“ за свое насильничество и за то, что посягнула на духовную суть Россіи, — противъ всякой воли своей, исподволь приготовила духовный отпоръ и возстаніе противъ себя; когда Германія захотѣла пожать плоды своихъ долгихъ „культурныхъ“ трудовъ и мечомъ своимъ дать coup de grâce уже ранѣе „мирно завоеванной“ странѣ,— въ Россіи мощно проснулась ея духовная сущность и передъ нѣмцами вдругъ вмѣсто веселаго пира и грабежа встала грозная и неумолимая ихъ судьба.

НАЛЕТЪ ВАЛКИРІЙ.

(Отвѣтъ Н. А. Бердяеву.)

I.

На славянофильство сыпятся нападки. Ему не могутъ простить ужасной вины: оно воскресаетъ; больше того, воскресаетъ въ новыхъ, неожиданныхъ, непредвидѣнныхъ критикой формахъ. Это вызываетъ пламенное негодованіе въ самыхъ различныхъ людяхъ, и увы! — въ негодованіи этомъ se touchent les extrémités: шестидесятникъ А. Кизеветтеръ встрѣчается съ самымъ авангарднымъ мистикомъ Н. Бердяевымъ.

Гимназическіе аккорды меланхолическихъ изліяній шестидесятниковъ не вызываютъ желанія ихъ разбирать. Гимназіи созданы для того, чтобы ихъ кончать, и работы засидѣвшихся гимназистовъ могутъ серьезно интересовать лишь гг. педагоговъ. Совсѣмъ иного характера выступленіе Н. Бердяева. Его большая статья „О вѣчно бабьемъ въ русской душѣ“ — блестящій кавалерійскій наѣздъ. Но не даромъ Н. А. Бердяевъ стремится быть на самомъ высокомъ гребнѣ самой передовой войны современности. Конь во плоти и оружіе настоящее — для него уже démodé, „pompier“. Свой наѣздъ онъ совершаетъ въ „духѣ“, и все же въ самомъ духѣ этого духа есть кавалерійскій душокъ.

Прочитавъ книжку В. В. Розанова о войнѣ, Н. А. Бердяевъ съ гусарскою широтою жеста вызываетъ его „къ телефону“ и съ мѣста въ карьеръ начинаетъ на него кричать: „Вы, Василій Васильевичъ, — баба, настоящая русская баба, даже баба мистическая, вѣчная. Спору нѣтъ,—вы талантливы, но ваша талантливость бабья, слышите, б а б ь я. Вы—геніальный представитель той бабьей и рабьей Россіи, которой я объявляю войну. Вы легкомысленны, вы влюбчивы, вы блудливы, вы обожаете силу, вы пресмыкаетесь передъ властью, — все изъ-за вашей бабьей природы. Я, Николай Бердяевъ, эту великую тайну вашу и тайну русской души разглашаю... всѣмъ читателямъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

В. В. Розановъ въ ужасѣ бросаетъ трубку, а Н. А. Бердяевъ вдогонку бросаетъ загадочныя слова:

„То же самое передайте тремъ остальнымъ“...

Съ величайшимъ изумленіемъ въ числѣ „трехъ остальныхъ“ я увидѣлъ себя.

Н. А. Бердяевъ мнѣ другъ. Когда обо мнѣ или о дѣлѣ, которое я защищаю, пишутъ фантазіи и небылицы[1]) наши ученые гимназисты, я обхожу ихъ молчаніемъ. Но когда человѣкъ близкій, которому все прекрасно извѣстно, въ такомъ-то странномъ порывѣ мѣшаетъ всѣ шашки и опрокидываетъ столъ, на которомъ ведется игра, съ очевидною цѣлью вызвать общественное недовѣріе къ своимъ партнерамъ, употребляя при этомъ недопустимые методы завѣдомо ложныхъ публицистическихъ „равенствъ“,—тогда молчаніе становится невозможнымъ. Дѣло требуетъ во что бы то ни стало защиты; и, кромѣ того, если бъ

[1]) Напр., многочисленныя статьи въ „Днѣ“.

на свое серьезное нападеніе Бердяевъ не получилъ никакого отвѣта, онъ могъ бы, пожалуй, обидѣться и рѣшить, что и его причисляютъ къ „гимназистамъ".

II.

„Розановъ, — говоритъ Бердяевъ, — не боится противорѣчій, потому что противорѣчій не боится біологія, ихъ боится лишь логика". Но боится ли логики самъ Бердяевъ? И боится ли его логика тѣхъ нелогичностей, въ коихъ безсильно бьется его собственная мысль? Если нѣтъ, тогда трудно что-нибудь возражать противъ него, но тогда и его выпады противъ „біологизма" Розанова окажутся висящими въ воздухѣ, ибо и самъ-то Бердяевъ окажется не очень горячимъ любителемъ логики. Если да, то логическая промывка его статьи врядъ ли что-нибудь оставитъ отъ кавалерійской „лавы" его атакующихъ мыслей.

Атаку Бердяева лучше всего отбить „встрѣчнымъ боемъ" и первый ударъ контръ-атаки направить на главную его силу. А главная его сила — въ понятіи вѣчно-бабьяго. Это выраженіе своей остротой и силой въ первый моментъ плѣняетъ и покоряетъ. Однако оно вызываетъ и робкія недоумѣнія. „Вѣчно бабье"... — почему „вѣчно"? Неужели баба вѣчна въ подлинномъ и серьезномъ смыслѣ слова? Неужели Бердяевъ вѣритъ, что „бабье начало" воскреснетъ, въ концѣ-концовъ, и займетъ вѣчное мѣсто въ горнемъ Іерусалимѣ? Что за вздоръ! Конечно, не вѣритъ и „вѣчностью" бабьяго только „пугаетъ". Однако мистику неповадно играть священными категоріями и вмѣсто тлѣнно и преходяще бабьяго говорить о „вѣчно" бабьемъ. Впрочемъ, ларчикъ открывается просто. Слова „вѣчно"

Бердяевъ не выдумалъ. З. Н. Мережковская нѣкогда изобрѣла категорію вѣчной женскости въ отличіе отъ вѣчной женственности. „Женское“ г-жи Мережковской Бердяевъ потенцировалъ въ „бабье“, но женская логика этого словосочетанія осталась нетронутой въ его мужественномъ мышленіи, и вотъ въ отрядѣ его воинственныхъ мыслей подъ мужескимъ одѣяніемъ мы встрѣчаемъ „амазонку“ съ свѣтлыми волосами. Однако маскарадъ совсѣмъ не такъ простъ и невиненъ. „Словосочетаніе съ женской логикой“ таитъ въ глубинѣ ядовитую мысль. Повторите подрядъ много разъ „вѣчно бабье“ и вы незамѣтно для себя начнете какъ-то компрометировать „вѣчно-женственное“. Вѣчность того и другого этимъ ловкимъ словеснымъ маневромъ попадаетъ въ одну плоскость, и не то вы начинаете думать, что женскость такъ же вѣчна, какъ женственность, не то женственность такъ же преходяща, какъ женскость. Тлѣнное мѣшается съ нетлѣннымъ, безсмертное со смертнымъ, святое и Божье со стихійно-природнымъ.

III.

Но и стихійно-природнымъ Бердяевъ обошелся „по-свойски“. Женское г-жи Мережковской онъ превратилъ въ „бабье“ съ явной цѣлью усилить и обострить выраженіе. Если „женское“ вызываетъ пренебреженіе, то „бабье“ должно вызывать реакцію посильнѣе. „Бабье“ по мысли Бердяева — это что-то чрезвычайно предосудительное, низменное, отрицательное. Въ тонѣ, какимъ произносится у Бердяева „вѣчно-б а б ь е“, явно слышна нотка презрѣнія. Походъ противъ „бабьяго“ ведется съ гримасою отвращенія. Такъ тренированные

вегетаріанцы относятся въ мясу. Если въ блескѣ этого отталкиванія мы взглянемъ на лицо самого Бердяева, то мы мгновенно поймемъ, какая муха его кусаетъ. Да вѣдь это—старая дворянская отчужденность отъ „мужицкаго", отъ родной земли, старый барскій трансцендентизмъ въ отношеніи къ народному тѣлу. Баба, русская баба—полнарода русскаго, съ его болью, страданіемъ, подвигомъ, молитвой, радостью и трудомъ, съ его коренною связанностью съ родимою, влажной почвою,—для Бердяева только глина (почти что грязь), изъ которой ему хочется вылѣпить маску Горгоны для того, чтобы напугать ею своихъ современниковъ. Стоны и великую муку русской земли, потаенную тоску „Лужицъ", „Овраговъ", которую съ такою чуткостью изводитъ изъ-подъ покрововъ невидимости геніальные пальцы „русской бабы" А. С. Голубкиной, Бердяевъ знать не хочетъ и вѣдать не желаетъ со своихъ воздушныхъ позицій.

Тутъ передъ нимъ возстаетъ дилемма: либо обиженъ Розановъ, либо обижена русская баба. Если Розановъ дѣйствительно выражаетъ съ геніальностью приписываемую ему Бердяевымъ русскую бабу, т.-е. русскую душу въ ея стихійности, хаотичности и мистичности (я этого не думаю), тогда многому нужно учиться у Розанова, прежде чѣмъ начинать его учить, его наставлять и его „публично сѣчь", особенно, если подъ Розановымъ подразумѣваются не его личные только грѣхи, а грѣхи русской души. Если же Розановъ при всей талантливости, ему свойственной, съ русскою бабою все же несоизмѣримъ, тогда вся мысль Бердяева о критикѣ „вѣчно-бабьяго" въ русской душѣ черезъ критику послѣдней книги Розанова становится несерьезной, претенціозной.

IV.

„Вѣчно-бабье“ Бердяева при ближайшемъ разсмотрѣніи является и не вѣчнымъ въ подлинномъ смыслѣ, и не бабьимъ. То-есть, эффектный стержень его статьи при малѣйшемъ приближеніи къ нему логики разбивается вдребезги. Оказывается, что не одна только біологія Розанова, но и пневматологія Бердяева съ логикою не въ ладахъ. И если самъ Бердяевъ логику считаетъ началомъ мужественнымъ и свѣтоноснымъ, то его вражда съ логикою становится поперекъ его притязаній на исключительную мужественность. А если Бердяевъ настаиваетъ, что отсутствіе логики есть признакъ дурной женскости въ писательской физіономіи Розанова, то мы должны ему на это сказать, что отсутствіе логики въ его высказываніяхъ о „вѣчно-бабьемъ“, по его же собственному принципу, свидѣтельствуетъ, что и у него насчетъ мужественности не все въ порядкѣ. Быть-можетъ, въ его отрядѣ не одна амазонка, да и самъ командиръ амазонскихъ мыслей—не „Амазонъ“ ли?

Этотъ вопросъ чрезвычайно интересенъ. Рабью природу (по Бердяеву „бабью“) можетъ носить не только біологія, но и пневматологія. И грѣхи противъ истинной мужественности возможны не только въ планахъ біологическихъ, но и въ планахъ пневматологическихъ. Бердяевъ все время коритъ Розанова за отсутствіе силы духа, за то, что Розановъ слишкомъ впечатлителенъ и пассивенъ въ своемъ чувствѣ Россіи и русскаго. Правда, есть грѣшокъ, и великій грѣшокъ за Розановымъ. Слишкомъ термометриченъ Василій Васильевичъ! На дворѣ ведро—и у него бодро; на дворѣ ненастье—и у него бездорожье. Хорошо видитъ Бердяевъ сучокъ въ глазахъ брата своего! Но вѣдь,

кромѣ плановъ земныхъ, есть планы воздушные, и въ этихъ планахъ вихрями носятся много насильниковъ-демоновъ. Такъ ли увѣренъ Бердяевъ, что по отношенію къ этимъ воздушнымъ агентамъ онъ рыцарски мужественъ, а не по-„женски“ уступчивъ и оппортунистически покладливъ? И не является ли онъ въ своемъ родѣ пневматологическимъ Розановымъ?

V.

Спора нѣтъ, мужественна душа Бердяева. Столь мужественна, что вчужѣ жалко его психею, задавленную и замученную. Безъ соку, безъ влаги, безъ красокъ его разсужденія. Чувствуются стоны психеи въ его писаніяхъ. И тѣмъ не менѣе душа не есть человѣкъ. Надъ душой господствуетъ духъ. И лишь духъ придаетъ настоящій чеканъ внутренней жизни. Мужественъ ли у Бердяева духъ? Противостоитъ ли активно воздушнымъ теченіямъ?

Бердяевъ упрекаетъ Розанова за то, что тотъ революціонерствуетъ въ годы революціи, реакціонерствуетъ въ годы реакціи. А духъ Бердяева? Развѣ онъ не колеблется и не сотрясается при каждомъ порывѣ вѣтра? Дуетъ марксизмъ—Бердяевъ—марксистъ. Стало спускаться съ высотъ Достоевскаго и Соловьева вѣяніе „идеализма“—Бердяевъ охватывается имъ. Мережковскій поднялъ свою бурю въ стаканѣ воды, и вотъ въ числѣ наэлектризованныхъ имъ — Бердяевъ. Женственный духъ Бердяева резонируетъ на всѣ воздушные зовы. Онъ, какъ эхо, откликается на ницшеанство. Онъ отражаетъ духовныя бури Ибсена. Теперь онъ „вдохновляется“ штейнеріанствомъ. Да вѣдь весь онъ состоитъ изъ преломленій, изъ пневматическихъ заряженій, изъ мгновенныхъ восторговъ предъ духами,

которые поперемѣнно или вмѣстѣ овладѣваютъ пневмой его. Самая прелесть его писаній, ихъ значительный интересъ — только въ ихъ чуткости къ воздушнымъ вѣяніямъ, только въ томъ, что въ каждой новой статьѣ Бердяева находится зараженіе либо послѣдней, либо предпослѣдней новинкой воздушныхъ сферъ.

Духъ Бердяева не только не мужественный, но исключительно, до однобокости, до безсилія женственный. Не ему упрекать Розанова. Розановъ термометриченъ по отношенію къ близкимъ, непосредственно примыкающимъ къ нему земнымъ слоямъ. Много изумительнаго говоритъ онъ о тончайшихъ колебаніяхъ близлежащаго „тепла и холода“, впадая въ чудовищныя ошибки о далекихъ краяхъ и особенно объ онтологическихъ глубинахъ земли. Бердяевъ же барометриченъ, хорошо отражая неспокойствіе всяческихъ атмосферъ и будучи въ то же время совершенно глухъ къ тихимъ рѣчамъ звѣздныхъ глубинъ. То и другое идетъ на потребу, если умѣть пользоваться. Хорошъ чудесный термометръ Розанова, недуренъ и барометръ Бердяева. Смотрѣть, какъ скачетъ на немъ стрѣлка — и поучительно, и любопытно. Только нужно оставить сказку о мужественности, о рыцарственности и объ активной силѣ барометровъ. Бердяевъ находится въ величайшемъ заблужденіи: его „дерзающее начало“ (платоновское thymoeides) мужественно, вѣрнѣе амазоночно, его же „водительное начало“ (hegemonicon)—послушный и безсильный рупоръ воздушныхъ силъ.

VI.

Что жъ получается? Споръ между Розановымъ и Бердяевымъ есть въ сущности споръ между термометромъ и барометромъ. Воздушная барометрич-

ность гордо съ высотъ налетаетъ на земную термометричность. И что всего любопытнѣе: одинъ аспектъ женскости возстаетъ на другой. Женскость духа впивается въ женскость психеи. Въ мирные и цвѣтущіе предѣлы розановскаго „женскаго царства“, гдѣ, можно сказать, царитъ великолѣпная царица Савская, которая хранитъ въ своей памяти много соломоновыхъ словъ, врывается отрядъ воздушныхъ амазонокъ — Валькирій, и бѣдному Василію Васильевичу остается покорно ждать, пока гордыя дѣвы уберутся во-свояси и разрушенія, произведенныя ими, возстановятся сами собой.

Вотъ только странно, что: ослѣпленіе „Амазонки“, стоящаго во главѣ Валкирій: убивая мирныхъ женщинъ, онъ неожиданно вскрикиваетъ: смерть мужчинамъ! Смерть солнечной мужественности православія, Розановъ сопредѣленъ православію, но не есть православіе. То, что говоритъ Бердяевъ о православіи, нуждается прежде всего въ артикуляціи. Методъ Мережковскаго, говоря о „Сиріусѣ“, лягнуть „Сирію“ по какой-то случайнѣйшей, чисто женской ассоціаціи, примѣняется Бердяевымъ съ кричащей нелогичностью. Синицей набѣга на Розанова не такъ-то легко зажечь православное море. Конфликтъ двухъ аспектовъ женскаго есть „споръ славянъ между собою“, и превратить его во вселенскій конфликтъ поистинѣ трудновато. Словомъ о православіи Бердяевъ ничего существеннаго не сказалъ, и намъ придется подождать, пока амазонки его передохнутъ послѣ славной „побѣды“ надъ Розановымъ и, запасшись хоть какими-нибудь боевымм средствами, попробуютъ атаковать вмѣстѣ съ другими воздушными силами православіе. Тогда можетъ выйти настоящій разговоръ о православіи.

Теперь же намъ остается сказать нѣсколько словъ pro domo mea и pro domo nostra.

VII.

Прикрываясь Розановымъ, Бердяевъ дѣлаетъ налетъ на православіе. И всего непріятнѣе въ его статьѣ то, что, говоря о частныхъ особенностяхъ Розанова, онъ проецируетъ ихъ на русскую душу и дѣлаетъ это съ такою внезапною широтою „размаха", что самъ опрокидывается отъ чрезмѣрнаго „маха". Нечего удивляться, что при такомъ „молодецкомъ" ударѣ онъ задѣваетъ еще кое-кого въ своей статьѣ — не только русскую душу, но заразъ еще и трехъ писателей. Когда-нибудь, быть-можетъ, Бердяевъ опубликуетъ тѣ скрытыя соображенія, которыя заставили его въ категорію розановской реакціонности и „безыдейнаго", „бабьяго" пресмыканія передъ силой и властью — помѣстить неожиданно С. Н. Булгакова, Вяч. Иванова и меня. Очень интересно будетъ послушать, какъ, разоблачивъ тайну Розанова и русской души, онъ перейдетъ къ разоблаченію трехъ различныхъ „тайнъ" С. Н. Булгакова, Вяч. Иванова и пишущаго эти строки. Но пока что въ качествѣ обоснованія Бердяевъ приводитъ абсолютно ложное сообщеніе: „Всѣ они,—говорится у него про только что названныхъ лицъ,—испытали отъ войны то, что Розановъ испыталъ отъ вида конницы на улицѣ. Огромной силѣ, силѣ національной стихіи земли не противостоитъ мужественный свѣтоносный и твердый духъ, который призванъ овладѣть стихіями. Отсюда рождается опасность шовинизма, бахвальство снаружи и рабье смиреніе внутри".

Я не буду ничего говорить за С. Н. Булгакова и Вяч. Иванова,—они сами могутъ сказать,—скажу только про себя: ничего подобнаго розановскимъ чувствамъ отъ конницы я къ жизни никогда не испытывалъ. Я

прямо теряюсь въ догадкахъ: когда это свѣтоносный духъ Бердяева успѣлъ побывать въ моей душѣ и освѣдомиться о томъ, чего въ ней никогда не бывало? Поистинѣ великую отвагу нужно имѣть, чтобы полученныя такимъ путемъ свѣдѣнія оглашать съ категоричностью прямого внутренняго знанія.

„Всѣ они испытали отъ войны"... Бѣдный читатель можетъ подумать, что мы въ самомъ дѣлѣ „заславянофильствовали" отъ войны. Одинъ ораторъ на недавнемъ собраніи такъ и иронизировалъ насчетъ этого мнимаго факта. Но Бердяеву не вмѣстно заниматься такими вещами. Ему прекрасно извѣстно, что три названные имъ писателя за много лѣтъ говорили то, что они говорятъ теперь. С. Н. Булгаковъ „славянофильствуетъ" въ „Двухъ Градахъ" (1911), Вяч. Ивановъ свою замѣчательную лекцію о русской идеѣ прочелъ въ 1908 г.[1]). Мои же позиціи противъ германской культуры я занялъ въ 1910 году[2]).

VIII.

Въ заключеніе я не могу не сказать, что высоко цѣнимыя мною барометрическія свойства Бердяева, вообще говоря отличныя, въ этой его статьѣ пропали куда-то безслѣдно. Такъ бываетъ съ барометрами: расчитанные на малыя давленія и на малыя колебанія, они начинаютъ рѣшительно „врать", когда попадаютъ въ неожиданныя условія слишкомъ большихъ давленій и слишкомъ большихъ колебаній.

---

[1]) «По Звѣздамъ» Спб. 1909, стр. 309.

[2]) См. книги: «Борьба за Логосъ» (1911) и «Г. С. Сковорода» (1912).

Въ то время, какъ русская душа въ титанической борьбѣ съ колоссальными арміями трехъ государствъ являетъ одинъ за другимъ величайшіе подвиги беззавѣтнаго мужества и разверстываетъ въ ослѣпительномъ напряженіи свѣтлую мощь и сталь солнечнаго духа своего,—въ это время Бердяевъ вдругъ находитъ умѣстнымъ говорить о „вѣчно бабьемъ въ русской душѣ“, т.-е. на „свадьбѣ“ о „похоронахъ“, и даже больше: на сговорѣ о какихъ-то воздушныхъ женишкахъ.

По поднебесью много летаетъ стихійныхъ или даже люциферическихъ („свѣтоносныхъ“) духовъ, которые ищутъ русской души. „Гоголемъ“ ходятъ, прихорашиваются, заклятьями заклинаютъ. Все напрасно. У русской земли горнее обрученіе въ эѳирныхъ планахъ въ глубинѣ временъ уже совершилось. Единый женихъ русской души—Христосъ, и свидѣтели этого—святые, тайные кормчіе русской исторіи.

БИБЛІОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Мечъ и Крестъ	5
Голосъ событій	8
Великое въ маломъ	14
Отъ Канта къ Круппу	20
Сущность нѣмецкаго феноменализма	35
Автономная Арменія	49
Острее русско-польскихъ отношеній	55
И на земли миръ	63
Общее дѣло	68
Ненужныя рыданія	76
Что такое форсировка	84
Налетъ Валкиріи	92

Того же автора:

БОРЬБА за ЛОГОСЪ. Опыты философскіе и критическіе. М. 1911.

Г. С. СКОВОРОДА. Жизнь и мышленіе. М. 1912.

РОЗМИНИ и его теорія знанія. Изслѣдованіе по исторіи итальянской философіи XIX ст. М. 1914.

ВРЕМЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВУЕТЪ. (Война, Германія, Европа и Россія). М. 1915.

Цѣна 40 коп.